

Современному человеку нужен не собеседник, но партнер

С протоиереем Алексием Уминским читатели «Лампады» уже встречались не однажды. Всякий раз это были беседы в его, так сказать, «фирменном стиле» – ясные, точные, открытые, исключительно по делу. Когда возникла тема этого номера – «Откуда в человеке интеллигентность?» – сомнений не было: отец Алексий – едва ли не лучший для нее собеседник. С этим я и отправился в храм Святой Живоначальной Троицы в Хохлах, где он служит настоятелем.

Павел Демидов

– Я взял на себя смелость ответить на вопрос главной темы так: интеллигентность – это своего рода светский эвфемизм богоподобия. Качества, которые предполагаются в интеллигентном человеке, заложены в него Творцом.

– А мне кажется, что интеллигентность связана с социокультурным контекстом. Каждый в меру своего воспитания, образованности и даже в зависимости от того, в каком историческом отрезке живет, вкладывает свое понимание. В конце XIX века она предполагала не то, что содержит сегодня. Поэтому, наверное, говорить о богоподобии не очень уместно. Был ли преподобный Серафим Саровский интеллигентным человеком? И возможно ли вообще приравнять представление об интеллигентности к понятию святости? Мы знаем огромное количество по-настоящему интеллигентных людей, которые были принципиальными агностиками.

– При условии, если оперировать привычными представлениями о том, что такое интеллигентность. То есть вкладывать в него такие категории, как воспитанность, образованность и так далее.

– А что еще можно вкладывать в это? Вот мы ими и оперируем. Других представлений у нас нет.

– Но разве у интеллигентности прежде всего не нравственное измерение?

– Думаю, что не всегда. Она может определяться

и рамками светского гуманизма. Человек может быть воспитан в нравственных категориях, но при этом оставаться совершенно неверующим.

– Даже если он агностик, то, хотя бы и не несет в себе богоподобие.

– Богоподобие он в себе не несет. Он несет в себе образ Божий. В человеке изначально заложено богоподобие, но стремиться к Богу и быть интеллигентным человеком – это не то, что сегодня принято называть «два в одном».

– Оставим богоподобие. Образ Божий.

– Он есть и в неинтеллигентном человеке. В грубияне, в хаме. Потемненный, искаженный, но – есть. Я бы сказал, что интеллигентность – это явление человеческой природы, которое, несомненно, является даром Божиим. Однако я не применил бы к предмету нашего разговора богоподобие, ибо оно равно святости, но не интеллигентности.

– А образ Божий – это нравственные качества?

– В том числе – да. Образ Божий – это божественные качества, которыми Он наделил человека.

– Что это за качества?

– Которые есть у Бога.

– Какие именно?

– Творчество. Свобода. Любовь. Могущество, знание... милосердие... Масса всего... В ком-то в большей степени, в ком-то в меньшей, но каждый человек обладает тем сводом качеств, которые в совокупности и составляют образ Божий. У животных этого нет.

– Эти категории не нравственные?

– Они могут становиться и нравственными, и безнравственными..

– То есть, в отличие от физиологической природы, которая объективно присутствует в человеке как данность, нравственные категории – величины переменные?

– Что не препятствует им становиться категориями и физиологическими.

– Сострадание. Разве оно может быть физиологической категорией?

– Когда человек страдает, в нем действует и физиология. Например, он может плакать. Дух, душа и тело – в единстве, это и есть образ Божий. При чем здесь интеллигентность?

– Мне она представляется одним из таких качеств. Или интеллигентность – это только приобретенное?

– Думаю, да. Как все, что человек приобретает в жизни по мере своего

возрастания, обучения, научения... Интеллигентность – одна из таких категорий. В нее могут входить культурность, интеллектуальность, этика... Она может сочетаться с религиозностью, но может с нею и не сочетаться. Приходят другие общественные категории.

– **Какие, например?**

– В так называемом постсекулярном обществе человек более практичен. Его нравственность – это, прежде всего, хорошо исполняемые законы. Современный человек ратует за то, чтобы отношения между людьми были зафиксированы в форме удобно и правильно составленных схем. Он исходит из представления, что если в обществе есть четко прописанные нормы и правила поведения, они должны быть самым главным для человека. Честность, порядочность, взаимовыручка, помощь старикам, бездомным, инвалидам должны быть четко формализованы, стать конституционной нормой. Коррупция, скажем, – это плохо, потому что это антизаконно.

– **А не потому, что это безнравственно?**

– Нравственность, как и безнравственность, – категории не правовые. Моя нравственность связана с моей законопослушностью. Я – послушный человек, я живу по законам, и это делает меня нравственным и достойным человеком.

– **Неинтеллигентный человек, в моем представлении, не может поступать иначе.**

– Не так. У него на первом месте муки совести. Он все пропускает через себя. У него в постоянном поиске согласия ум и сердце, ум и совесть. Он проверяет: честно – не честно, правильно – не правильно, достойно – не достойно?

– **Но проверяет в соответствии с собственными представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо?**

– Не только. И я бы сказал: не столько. И уж меньше всего рефлексирует по этому поводу.

– **У современного человека есть любимое выражение: «не парься».**

– Именно в силу этого ему важен внешний признак, но никак не внутренние рефлексии. На них ориентироваться невозможно. А на внешние уложения, четкие и внятные определения – пожалуйста!

– **Можно сказать, что современный человек – это человек регламента?**

– Пожалуй. Все должны быть честными, от президента до последнего дворника. Все должны платить налоги. Все должны жить по конституции. У каждого должно быть право на это, это, это... Область прав человека, которая и есть сегодня основной критерий справедливости, вытесняет интеллигентское сознание на периферию.

– **А что в центре?**

– Уровень интеллектуальной подготовленности – знания, умения, навыки, твоя продвинутость, то есть умение правильно ориентироваться, уметь все делать хорошо и правильно. Даже личная культура, эрудированность уже не имеют определяющего значения. Главное – практическое использование своих возможностей и их дальнейшее применение. Есть это – ты состоявшийся человек. Где тут место рефлексиям, какие муки совести?

Интеллигентность – это определенное общественное явление, которое появилось в какой-то исторический отрезок времени. И, как всякое явление, имеет начало...

– **И конец?**

– Увы, да. Просто нам повезло, что мы с вами успели сформироваться до этого периода. В атеистическом, безбожном советском обществе интеллигентность стала равняться духовности, только и всего. Тогда это были смежные понятия.

– **Значит, духовность все-таки существовала.**

– Советская интеллигенция в тот период рассуждала в категориях религиозных поисков интеллигентов начала XX века.

– **Выходит, если бы общество продолжало оставаться религиоз-**

ным, если бы не было этого крестового похода, точнее – похода без креста, против религии, интеллигентность продолжала бы пребывать?

– Весьма вероятно. Но тут возникает тот самый момент, когда образованное, аристократическое общество перестает быть религиозным. Эти вопросы поднимают русские писатели. Их открывают в своих картинах русские художники.

– **Вот тут как раз, мне кажется, вы совпадаете со мной. Вы говорите, что аристократическое общество перестало быть религиозным... Тем самым ставится знак равенства между интеллигентностью и аристократизмом? Имеется в виду, прежде всего, аристократизм духа, а не его генеалогическая составляющая. Так вот, говоря, что аристократическое общество перестало быть религиозным, мы тем самым допускаем, что интеллигентность начинает заменять религию. Пусть частично хотя бы.**

– Она, по крайней мере, ищет новые формы религиозного осознания самого человека. Заметьте все-таки, что интеллигент в России ищет свой религиозный новый путь. Мережковский, Гиппиус... Вячеслав Иванов с его религиозными исканиями. Они есть, эти искания, у такого «народного интеллигента», как Максим Горький... Эта религиозность идет уже вне той, казалось бы, отжившей в их представлении, церковности, вне штампованной церковной мысли, которая не дает им возможность развиваться. То есть, когда религиозность теряет ценность в думающем, развитом обществе, начинается внутренний, особенный поиск. Надо сказать, он оказался очень плодотворным, ибо позволил родиться новой русской философии. И что важно: она не противопоставляла себя Церкви. В целом это была не антицерковная философия, как, скажем, у интеллигента Ницше, у иных философов Запада...

– **У Вольтера.**

– Да, хотя Вольтер – это несколько иное. Я говорю о более близком времени. Русская интеллигентская мысль все же живет в рамках христианства. Именно в нем она ищет раскрытия смыслов и в общем их находит. Благодаря этому рождается не только прекрасная философия XX века, но и русское православное богословие. Булгаков, Флоровский, Флоренский, многие, многие другие.

– **Лосев, Лосский...**

– Можно назвать еще массу имен. Все это имеет истоком общий посыл от общества, которое рефлексирует над вопросами своего бытия. Когда безбожие утвердилось в нашей стране, интеллигенция не прекратила рефлексий по поводу новой бытийной данности. Кто мы, откуда и куда? Она может оставаться безбожной, но вопросы от этого не уходят...

– **Возможно, даже обостряются.**

– Не исключено. Но это еще не тот путь богоподобия, которым идет человек, совершенно очевидно вставший на путь следования за Христом. Есть существенная разница. Интеллигентский посыл – вещь весьма неоднозначная.

– **Я, например не представляю, как интеллигентный человек может быть нерелигиозным. В своем внешнем проявлении – безусловно, да. Она может быть неосознанной – религиозность, но ее не может не быть!**

– Допустим. Однако всегда ли это обязательно христианство? Возьмите прекрасного, мудрого, чудесного человека и философа, недавно ушедшего от нас, – Григория Померанца. Он был религиозно настроенным философом и настоящим интеллигентом. Но он не был христианином.

– **Это читается в его работах.**

– Но, надо сказать, он часто приближался к Истине...

– **Наверное, его во многом составляла Зинаида Александровна.**

– В том числе. Жена была для него точным ориентиром. Потом он общался с огромным количеством христиан, среди его друзей были глубо-

кие христиане. Но главное то, что он не видел в Христе своего Спасителя. А раз этого не было, не было и пути подражания Христу. Можно говорить об огромном количестве его достоинств. Как человека, как культуролога, как философа. Но когда человек лично не исповедует Христа, а говорит, что он христианин по своему творчеству, по своему взгляду на мир...

– **Честно говоря, как это скучно слушать.**

– Скучно. И драматично. Потому что у таких людей нет места ни богоподражанию, ни богоподобию... Но и насильно вталкивать человека в ряды христиан, по-моему, недопустимо. Три имени: глубокий, настоящий христианин и монах Алексей Федорович Лосев, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, Григорий Ефимович Померанц. Все трое разные совершенно. Все трое – интеллигенты в самом высоком смысле. Их обобщает именно это качество. Но личное отношение к Христу у них именно личное, то есть у каждого свое, и не у всех оно совпадает с нашими представлениями о том, каким же должно быть это отношение. А может и вовсе не быть никакого отношения. Тот же Леонид Михайлович Рошаль. Его совершенно не интересуют вопросы религии. Но он – интеллигент и гуманист. А говорить применительно к нему о пути следования за Христом, о богоподобии – мы не можем. Это всякий раз глубоко личностный путь, который бывает настолько таинственным, что о нем лучше не думать в сопряжении с интеллигентностью.

– **Ну а как вы полагаете: религиозный человек, я имею в виду человека христианской веры...**

– Всегда ли христианин – интеллигент?

– **Нет, я не этот вопрос хотел задать, потому что понятно, что не всегда.**

– Но он не делается от этого хуже.

– **Как христианин?**

– Как человек.

– **Если он малообразован, если он невоспитан, хамоват?**

– Значит, он плохой христианин. Хамство – это не категория интеллигентности. Это категория любви или нелюбви.

– **А в чем тогда проявляется его христианская сущность?**

– У Достоевского есть рассказ о замечательном русском мужике. Прекрасный, добрый христианин. Он – интеллигент? Моя покойная крестная баба Аня. Ну какая она интеллигентка? Чудесный человек, она и читать-то не умела.

– **Моя бабушка была полуграмотной, Евангелие по складам читала.**

– Вот видите. Но это были люди истинно христианские, и им не мешало оставаться таковыми то, что они не были интеллигентами. А Арина Родионовна интеллигенткой была?

– **Я бы сказал: да!**

– Но я бы даже не сказал, что Пушкин – интеллигент.

– **Вновь возвращаемся к главному: что мы вкладываем в это понятие?**

– А Чехов – был интеллигент. Вот и ищите здесь для себя ответ. Но есть немало людей, которые вовсе не задаются подобными вопросами. И хуже от этого не становятся. Они живут как живут. Я уверен, что Пушкину все было ясно, хотя в действительности ему сложно жилось. Я имею в виду, что ему открывалось настолько ясное и простое видение жизни, какого никогда не было у интеллигентов. У Пушкина все открыто, радостно или глупо – неважно, но у интеллигента такого попросту быть не может. Ему непременно нужны сомнения, мучения, угрызения...

– **Мне трудно принять вашу точку зрения... Я все же тесно увязываю интеллигентность с религиозностью – как одну из составляющих именно религиозности.**

– Наш опыт нередко опровергает это утверждение. Мы уже говорили с вами об этом. Мне кажется, интеллигентность следовало бы воспринимать как позитивное социальное явление, чья задача – сеять разумное, доброе,

вечное. Другое дело, что русская интеллигенция, с ее гипертрофированной рефлексией, наделала очень много ошибок, часто поворачивала в другую сторону. Поэтому я ценю пушкинскую простоту, как чистоту, Пушкин, в отличие от Чехова, – проще. Не значит – примитивнее, ни в коем случае! Он здо-ро-ве-е. А у русской интеллигенции есть болезнь.

– **Мы опять переходим на личностный. Персонифицируем явление.**

– Стоп-стоп-стоп! Пушкин – это «наше все», это никакая не персоналия.

– **Конечно, это больше чем личность. Интеллигентность в ее чистом виде, в высоком понимании допускает безнравственность?**

– Супружеская неверность, модный сейчас гомосексуализм...

– **Но в таком случае применимо ли здесь понятие «интеллигентность»?**

– Почему нет? Интеллигенция...

– **Я говорю: интеллигентность, а не интеллигенция.**

– Человек может быть добр по отношению к другим и в то же время страшно мучиться от того, что любит другую женщину, причиняя тем самым боль своей жене. Я имею в виду самого обычного человека. У него высокий уровень культуры, хорошие этические отношения с окружающими. Он не украдет, не обхамит, не предаст. Но рефлексия у него все равно будет. Могут ли я любить как свободный человек? Имею ли право, или я тварь дрожащая? Даже по поводу совершенного греха будет рефлексия: а почему я не имею права, а как моя свобода?

– **Интеллигенцию ждет печальное будущее. Она уходит?**

– Уходит. В моем представлении то время, в котором появилась интеллигенция в ее классическом варианте, уже прошло. Мы с вами – доживающие свой век интеллигенты. Наши дети будут уже другими...

– **Они уже другие.**

– Они могут быть замечательными христианами...

– **Не понимаю, как, допустим, можно быть жестким прагматиком и одновременно замечательным христианином.**

– А я представляю, и даже очень хорошо. Апостол Павел был прагматиком. В отличие от пламенного апостола Петра.

– **Но это не тот, не воинствующий, агрессивный прагматизм, который начертан на знамени нынешнего века.**

– Разумеется, то был иной прагматизм. К нему, возможно, применимы эпитеты: разумный, бесстрастный. А христианство, каким было тысячу, пятьсот лет назад, таким оно и остается. Было когда-то христианство без интеллигентности?

– **Христианство без интеллигентности я еще представляю, а вот интеллигентность без христианства – никак. Христианская жизнь в ее классическом виде и есть, как мне кажется, проявление интеллигентности.**

– Поверьте, это нам так хочется. Христианская интеллигенция – как прекрасно! Христианская интеллигенция, готовая мыслить и осмысливать человека в рамках культуры, в рамках традиции, философии. Глубокая продуманность своих внутренних чувств, отношений и так далее. Но если интеллигенция свою роль, положительную или отрицательную, отыграла, значит, будет какое-то новое явление. Трагедии в этом я не вижу. Человек не лишается разума, не теряет чувств, не перестает искать. Если рассуждать в наших привычных категориях, связанных с интеллигенцией и интеллигентностью.

– **Привычных – может быть, да. Скорее всего – да. Скажем, человек, думающий прежде всего о себе и менее всего думающий о других, может ли такой человек быть интеллигентом?**

– Не знаю.

– **Мне тяжело расставаться с моими представлениями об интеллигентности.**

– Я же вас не разубеждаю. Просто высказываю свой взгляд. Я понимаю: не хочется расставаться с интеллигенцией.

– **Ой, не хочется!**

– В новом поколении политиков, людей науки, писателей сходства с прежней интеллигенцией становится все меньше.

– **А не объясняется ли это апостасийностью? Тем, что человечество, общество уходит и уходит от Бога?**

– Вполне возможно. Мы говорили, что интеллигенция – это серьезный уровень размышлений, рефлексии. Серьезный потенциал человека, который постоянно думает, проверяет себя, ищет. В этом есть и плюсы, и минусы. Но в нашем случае важнее другое. Интеллигент – это человек, который нуждается в собеседнике. Без сомнения, это одно из самых прекрасных качеств.

– **Но лучший собеседник для человека это, наверное, Господь Бог.**

– Без сомнения. Но нужен ли собеседник современному человеку? Ему собеседник не интересен. Сегодня ему нужен партнер.

– **Даже в семейной жизни теперь партнеры.**

– Сегодня нужен не мир дружбы, не мир отношений, а мир договоров, мир подписанных контрактов, мир протоколов о намерениях. И умирание интеллигенции, я думаю, связано с тем, что сегодня человек не нуждается в собеседнике.

– **Чтобы общаться с виртуальным «френдом», не обязательно быть интеллигентным. А Интернет открывает еще и провоцирующую возможность высказать все и в той форме, в какой хочешь.**

– Абсолютно верно. И огромная возможность самовыражаться. Без собеседника.

– **Вы сказали очень важную и ценную вещь. И теперь можно поставить точку.**

– Все-таки я вас утешил.

– **Благодарю вас!**

Все хорошее в человеке заложено Богом

Наш сегодняшний собеседник – Сергей Шаргунов, литератор, кого формально можно отнести к молодым (тридцать с небольшим), но кто уже занял свое, и отнюдь не последнее, место среди мастеров отечественной прозы. За год до окончания МГУ (2002, журналист-международник) открыл библиографический список двумя повестями, а сегодня в нем уже три романа и еще повесть, сборник статей, завершен еще роман, и другой – в работе. Обладатель литературной премии «Дебют», Государственной премии Москвы, итальянской премии «Радуга», финалист премии «Национальный бестселлер». Сегодня активное участие в общественно-политической жизни характерно для многих писателей; Шаргунов – не исключение: он и публицист, и полемист. И, что для нас особенно ценно, – человек православной веры. Так что наша беседа с ним о главной теме номера вовсе не случайна.

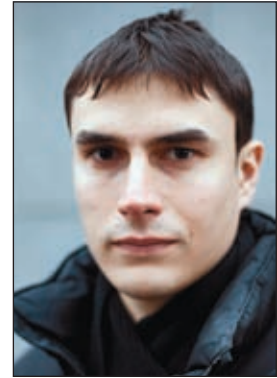

Фото Молли Редькиной

– Итак, откуда в человеке интеллигентность? А что вы сами об этом думаете?

– **То есть вы хотите, чтобы мы менялись местами? Вы спрашиваете, а я отвечаю, так?**

– Ну, может быть, для начала.

– **Извольте.**

– Чаше, правда, дискутируют о том, что такое интеллигентность. А вот откуда...

– Если знать, откуда в человеке интеллигентность, нетрудно ответить на вопрос, что же это такое. По моему глубокому убеждению, интеллигентность – это светская транскрипция христианской этики. То, что заложено в человека Творцом. И возможность проявить интеллигентность есть в каждом. Степень зависит от того, насколько близко или далеко отстоит человек от Образа Божия.

– Интересное суждение. Хотя, по моему, такая универсальность формулы сомнительна. Этимология интеллигентности куда разнообразнее. Проявятся на язык готовые клише, но хочется их избежать. Я бы поговорил об интеллигентности как о своего рода... доблести. И важно, чтобы рядом были мужество, честь.

– **Рядом или внутри?**

– Внутри. Чтобы это было ее содержанием.

– **То есть вы ждете от интеллигентности проявления силы?**

– Не обязательно. Она может быть и слабостью. И просто проявлением малодушия.

– **То, что можно назвать «хлюпизмом»?**

– Я имею в виду внешнюю вежливость, обходительность, когда нужна твердость. Неизбежно вносит коррективы и индивидуальность. И даже храбрость – оградить себя...

– **От окружающего мира?**

– Не от мира, а от определенных его проявлений. Как это сделал, скажем, Хома Брут. Во мне, как мне кажется, есть интеллигентность. Но я не знаю, что с ней делать.

– **А почему обязательно нужно что-то делать? Может, это она скорее должна что-то делать с тем, кто ею обладает.**

– Но – что? И почему? Интеллигентность – не орган, выполняющий в человеке определенную функцию, как, допустим, почки или печень. Врожденное ли это качество или приобретенное, обучили меня этому или я самовоспитался? Интеллигентность, я думаю, предполагает в человеке способность не только говорить, но и слушать.

– **Последнее даже важнее. Не случайно Господь дал человеку два глаза – чтобы созерцать, два уха – чтобы слышать и слушать, и только один язык.**

– Иным даже одного языка много. В чем я убежден: без интеллигентности человек человеку – волк.

– **То есть интеллигентность – это скорее внешнее, чем внутреннее?**

– Нет, я бы сказал, что интеллигентность, ее наличие или отсутствие, есть внешнее проявление сути человека.

– **Можно сказать, что это – расстояние между Богом и человеком?**

– Скорее даже отстояние человека от Бога. Об этом я готов поразмышлять. Есть еще такая составляющая

интеллигентности, как внутренний аристократизм. Он может быть свойствен совершенно простым людям, то есть это понятие внесловное. В моей жизни масса таких примеров. Я, например, не представляю интеллигентность без чувства любви к людям. Пристойное поведение – можно считать общим местом, но это качество способно мимикрировать, выполняя роль своего рода овечьей шкуры. Тогда оно – лишь бытовая воспитанность. С этим часто случалось встречаться в Европе. Интеллигентность может переходить в гражданскую отзывчивость, а может, наоборот, рифмоваться с абсолютным равнодушием.

– **Вы сказали – «в Европе». Предполагается, что там это качество более развито, чем у нас?**

– То, что я назвал «бытовой воспитанностью»? Формально – да. У нас человек может быть простым, грубым, невежливым. Он может проявить себя неадекватно ситуации, вольно, стихийно. Но при всей этой дикой невышколенности он может выказать и высочайшие душевные движения. Храбрость. Самопожертвование в экстремальных ситуациях. За отсутствием внешнего лака и лоска скрывается то, что я назвал бы духовным поиском.

– **Вольно или невольно, вы опять перешли к разговору о том, что такое интеллигентность. Меня же интересует, откуда она в человеке.**

– Она и приобретенная, и природная. Но как разделить их – большой вопрос. Я думаю, что в каждом человеке, безусловно, есть свет изначальный. И, тем не менее, очень важно воспитание.

– Но воспитание воспитанию рознь. Нынешнее – все больше учит человека производным дисциплинам. А надо бы – базовым. Для меня и применительно к нашему с вами случаю это – воспитание в христианской вере.

– Да, конечно. Но нельзя исключать и влияния побочных факторов. К ним я бы отнес, в частности, то, что люди видят с детства, в чем и с чем они растут. Даже такая, казалось бы, мелочь, как умение, желание и даже потребность здороваться с людьми.

– Очень, мне кажется, удачный пример. Воспитанный человек знает: нужно здороваться с людьми и отвечать на приветствия. А интеллигентный – испытывает в этом потребность.

– Или умение разговаривать с людьми...

– Позволю с вами не согласиться. Это, скорее, воспитанность или невоспитанность.

– И все же воспитанность – это важная составляющая. Интеллигентность предполагает в человеке еще и интеллект.

– А разве в неинтеллигентном человеке нет интеллекта? Ужасно, если встретится такое. Это – как сумасшедший с бритвой. От него можно ждать чего угодно. Мне кажется, этимологическая связь между интеллигентностью и интеллектом еще не означает их причинно-следственной связи. Мне представляется куда важнее связь между интеллигентностью и интеллигенцией. Что первично, а что вторично.

– Если исповедовать вашу точку зрения, это, безусловно, так. Я вам вначале уже сказал, что мне она близка. В таком случае об интеллигентности нельзя говорить в отрыве и от такого качества, как совестливость. Вы опять ждете от меня ответа, откуда это берется? Но без попытки понять – что, трудно говорить – откуда.

– А не наоборот? Для меня интеллигентность – это максимальное приближение к образу Божию. Размышляя над этим, я как-то неожиданно пришел к тому, о чем вам уже говорил. И я не мог найти никакого другого ответа и никакого другого объяснения. Мне стало отчетливо

ясно: человек до его грехопадения был абсолютно интеллигентен. И вот постепенно, по мере того, как он стал отходить от Бога, он утрачивал и свою интеллигентность, то есть богоподобие. Искание Бога человеком – неизбежно. Независимо от того, верит он в Него или нет. Если человек в своем внешнем выражении абсолютный атеист, его искание Бога особенно тяжело: он делает это в темной комнате, в которой для него ничего нет. И тогда человек начинает изобретать какие-то эквиваленты, замены, а в конечном счете, суррогаты. Если человек хотя бы стремится сохранить в себе образ Божий, он тем самым стремится удержать в себе интеллигентность.

– Мне близко то, что вы говорите, но интеллигентность в этом контексте не до конца, на мой взгляд, универсальное слово. Тогда мы должны считать, что к интеллигенции принадлежат все без исключения. Если мы говорим об интеллигентности как о поиске справедливости, добра... тогда я соглашусь с вами. Но если как об определенном сословии...

– Ни в коем случае! Хотя в советской идеологии было определение – межклассовая прослойка, и это, как ни странно, ближе всего к моему толкованию интеллигенции и ее архетипу – интеллигентности.

– И все-таки какие-то представления о добре и зле, о совести должны, мне кажется, если не прививаться, то – точно – культивироваться. Это только сорняки растут сами по себе.

– А как же хлебное зерно? Сколько лет оно может пролежать в закромах, но в нем все есть, и стоит бросить его землю...

– Но если его не растить бережно, с заботой и любовью, оно погибнет.

– Одно не противоречит другому. Больше того, если в зерне не будет, простите за невольный каламбур, зерна, нечего будет и выхаживать.

– Допустим, кто-то в тепличных условиях рос, а кто-то в детдоме или вовсе в подворотне, там были не зерна, а сплошные плевелы. Но одни сумели удержать свое достоинство, а другие – нет... Анастасия Ивановна Цветаева, которую я хорошо знал, прошла лагеря,

чего она только не повидала и не перенесла!..

– Кстати, не обращали вы внимание на то, что большинство известных своими нравственными качествами людей – я имею в виду совестливость, стойкость, верность идеалам, честность и прочее, – были верующими? Дмитрий Сергеевич Лихачев, Лев Николаевич Гумилев, Олег Васильевич Волков, Георгий Степанович Жженов... А священники, к которым в лагерях и тюрьмах тянулись люди? Тот же отец Арсений... Они ближе других были к образу Божию. И не случайно каждый из них безоговорочно принимается как эталон интеллигентности.

– Это убедительный аргумент в пользу вашей точки зрения. Помню, Анастасия Ивановна рассказывала, как спокойно, умиротворенно стирала в бараке завшивленное белье и мурлыкала себе под нос стихотворение на английском языке, которое сама же сочинила. Вот эта способность не потерять себя – тоже признак интеллигентности. Ежедневно и ежеминутно жизнь предлагает тебе выбор, словно ты стоишь у Древа познания. Каждое время по-своему жестоко, но одинаково бескомпромиссно. Нынешнее – предъявляет душе человеческой не меньше испытаний, чем то, когда открыто проводились репрессии. Сейчас не в чести быть порядочным человеком, поощряется жить исходя из собственной выгоды, и многим прививаются представления: падающего – толкни.

– То есть вместо того, чтобы протянуть руку, подставляют ногу.

– Да еще сделать контрольный выстрел в разбитую голову соперника или партнера, не имеет значения. Это один аспект нашей действительности. А другой – связан с тем, и я в это верю, – что представления о благородстве, о достоинстве сохраняются. Все это есть в Священном Писании, ничего не нужно придумывать. Я убежден, что первым интеллигентом на земле был Иисус Христос.

– Не Адам?

– Адам все же носитель учения, а не создатель его. А если уж говорить об Адаме, то мы – его дети, потому

что несем на себе его грех. Скажите, Сергей, а вы верите, что вера все-таки вернется к людям? Я имею в виду христианскую веру.

– Я разделяю утверждение Тертуллиана, что всякая душа – христианка, но верю не буквально в воцерковление всех людей. В том смысле, какой сегодня вкладывается в это слово. К сожалению, очень многие просто любят позировать на фоне икон...

– Я бы сказал так: подлинно воцерковленный, или верующий, скорее должен узнаваться по тому, каков он в миру, а не по тому, как он ведет себя в церкви.

– Хорошо сказано. Сейчас перед людьми много искушений. Я верю в то, что человеку по определению присуще стремление к добру. Ему свойственно стремление к справедливости, взаимовыручке, взаимопомощи, отзывчивости. Поэтому, наверное, человеку сложно быть одному. Он должен быть обращен на кого-то.

– Это заложено в нем онтологически.

– Конечно. Поэтому так важна реабилитация ценностей. Я вижу, что это все-таки начинает происходить. Голос Церкви в этом процессе хотелось бы слышать более громким. Равно как вообще хотелось бы видеть и более заметной роль Церкви в миру. Например, обездоленные. Я еду на днях в Ярославскую область, там вышедшие из детдомов очень часто не получают квартиры, оказываются под голым небом. Как могу им помочь, допустим, я? Рассказать об этом. Не абстрактно о помощи, а конкретно, конкретному человеку. Недавно у меня была встреча со знакомой из Франции. Она рассказала о самом любимом в ее стране святом – Мартине. Еще некрещеным он как-то встретил нищего и отдал ему половину своего одеяния. И в ту же ночь ему приснился Христос, и на нем была та самая одежда. А вот история, которую мне рассказала мама. Через несколько дней после смерти моей бабушки в дверь позвонила нищенка и попросила что-нибудь из одежды. Мама отдала костюм своей мамы. В ту же ночь ей приснилась ее мама в этом костюме. Я – литератор, я мыслю такими вот историями.

– Могу представить, что сделало бы с таким сюжетом наше телевидение.

– Страшно подумать. Наше ТВ, формируя сознание людей, деформирует его. Тупые, а то просто похабные ток-шоу, увлечение безумной мистикой, ерничество по любому поводу и без. Горько признаваться, но это так: нет доверия никому и ничему. Широковещательные заявления и заверения на поверку оказываются ерундой... Очередные разбитые надежды и ожидания... Это мой личный тяжелый опыт. Но, наверное, подобное есть у каждого... или почти у каждого.

– Вы нарисовали такую мрачную картину...

– А разве это не так?

– Так-то оно так... А свет в конце, который тьме не объять?

– Мне кажется, он должен быть у каждого свой. Как и свой горький опыт. Я, например, верю в то, что всякий человек, пока он дышит, может измениться. Во-вторых, я внимательно слежу за тем, как живу. У меня часто возникают разного рода соблазны конформистского толка, но я всегда отсекаю их от себя. Поверьте, я не собираюсь бахвалиться. Но по мере сил я стараюсь помогать, заступаться за тех, кто безвинно попал в тюрьму. Милость к падшим призывать – в этом я вижу одно из главных назначений человека. Это должен делать литератор. И это не должно быть увязано с вопросами веры.

– От литератора – гонителя веры ждать особых нравственных подвигов, наверное, трудно.

– За активный антиклерикализм порой можно принять просто излишнюю эмоциональность. Литераторы этим нередко страдают. Но в чем я убежден: от литераторов всегда можно ждать каких-то движений души. Они все же следят за происходящим.

– Но взгляд на окружающее и видение жизни неизбежно зависят от духовного устройства.

– Я полагаю, что в целом духовное устройство, о котором вы говорите, имеет положительную динамику. Не случайно растет интерес к серьезной литературе. Это видно по книжным магазинам. Применительно к теме нашего разговора, пусть пока очень осторожно, но можно говорить о ренессансе интеллигентности.

– А интеллигентность – это публичное или интимное качество?

– Думаю, что она интимна по своей внутренней сути, но выражается в публичной форме. И здесь очень важно – быть холодным или быть горячим. Эти слова из Откровения Иоанна Богослова адресованы каждому, и потому каждый должен сделать свой, личный выбор. В пространстве литературы такой выбор неременен.

– Мне кажется, что писатели, которые ни холодны, ни горячи, не могут существовать в нашей реальности. Им просто не найти читателя. Есть категория людей, которые читают, например, Латынину, а кто-то – Проханова, Быкова, Прилепина. А кто ни холоден, ни горяч, наверное, вовсе книг не читает.

– Не думаю. Раз существует масслит...

– Масслит?

– Массовая литература. Значит, есть и ее читатели.

– Пожалуй. Книжки формата А-5 удобны: и в карман уместаются, и выбросить потом не жалко.

– Быть ни холодным и ни горячим комфортно, конечно. Но в наше время все очень запутанно. Наверное, нельзя отделить волков от козлиц в чистом виде.

– Время мутантов.

– В какой-то степени. Даже, пожалуй, в большой степени. Я очень надеюсь, что наша человеческая порода все же начнет очищаться, как бывало уже не раз. Сейчас же пока происходит смешение языков. Отсутствие внятности – симптом современности. Это касается любой деятельности, и в первую очередь – политической. Надеюсь, что все же возникнет время возвращения идей, а за ним – и идеалов.

– То есть время идей – как время определенности. А идеалов – как наполнения этого времени.

– Можно сказать и так.

– Отсутствие внятности – это, наверное, неизбежное следствие тех потрясений, которые выпали на долю нашей страны.

– Верно. Верно.

– Все рассыпалось, в том числе и система идеалов. Рассыпалось на одной шестой части планеты – значит, и в каждой душе, населяющей эту одну шестую часть. Помните, МХАТ разделился, разделились мои

родные «Известия» – газета отдельно от издательства. Сегодня погибла и газета, бывшая одним из столпов отечественной журналистики, да и вообще всей мировой прессы. Издательство превратилось в пассаж из арендных площадей.

– Как раз об этом я только что написал книгу. Об истоках нашей смуты. О начале девяностых, точнее – о 93-м годе. О событиях осени этого года. Это исторический, но при этом и семейный роман.

– **Вы не собираетесь назвать его, как у Гюго, – «Девяносто третий»?**

– Представьте, он так и называется. Почти так. Я перебрал очень много вариантов названий и остановился в итоге на этом. 1993. Мне кажется, что эти четыре цифры достаточно объемно выражают идею романа.

– **Да, это заставляет работать мое воображение и индуцирует мыслительный процесс. Вы поднимаете эти четыре цифры, поставленные рядом, на уровень обобщения, на уровень символа, если хотите. Скажите, Сергей, вы человек оптимистичный по своему складу?**

– Конечно. Недавно я встречался с Фазилом Искандером...

– **Как он себя чувствует?**

– Вы знаете, не очень. Но держится бодро. Он отвечал глубоко, словно выгравировывал слова. В своей обычной манере. С усилием, правда, но и с присущим ему острым юмором. Я спросил его о том же, о чем спросили меня вы. Оптимист ли он? Конечно, он не ответил впрямую утвердительно, но сказал, что некоторый оптимизм важен для писателя. Сказал, что, к счастью, с ранних лет приучил себя к внутренней дисциплине, к внутренней настроенности на бодрость. Поэтому мне близко такое определение – оптимизм воли. Понятно, что мир лежит во зле...

– **И дни его лукавы.**

– Естественно. Держи ум твой во аде.

– **И не отчаивайся. Так, кажется, говорил преподобный Силуан.**

– Именно так. Человек, у которого есть глаза и уши, не может не видеть и не слышать происходящего вокруг. То есть он держит ум свой во аде, но не должен отчаиваться. Внутренняя сила, назовем ее силой духа, должна поднять

человека, оторвать его от тяготения к земле, к мирскому.

– **Это большое счастье, если есть такая способность. Я имею в виду ваше ощущение оптимизма Фазиля. Человек, наделенный таким чувством иронии, даже самоиронии, не может быть пессимистом. Потому что он любит, ибо ирония – это, прежде всего, сочувствие тому, на кого она направлена, а сочувствие невозможно без любви. Потому что он видит то, чего мы не видим даже из первого ряда. Вы много работаете?**

– Каждый день.

– **Помимо письменного стола у вас есть еще...**

– Да. Я – главный редактор большого сайта под названием «Свободная пресса». Двести тысяч человек в день приходят. Много езжу. Сейчас пишу книгу о Валентине Катаеве. Всегда, как только появляется возможность, стараюсь рассказывать о людях. Думаю, что публицистика должна заниматься этим в первую очередь. Конкретно помогать конкретным людям. Есть несколько писателей, которые считают так же. Это те, кто не утратил способности сострадать. Из-за этого нас называют «народниками». Мне кажется, вызывает возвращение к новому «старому» герою. Когда в центре прозы оказывается человек размышляющий, из любого социального среза. Врач, учитель, инженер...

– **Это можно назвать возвращением к интеллигентности? Если под ним понимать внимание к простому человеку, то есть любовь к нему?**

– Думаю, да. Во всяком случае, надеюсь. Это возвращение больших русских вопросов... Поиск истины никогда не прекращался. Сейчас, правда, модно, но, замечу, крайне глупо принимать людей за непросвещенную, тупую массу. Уверяю вас, это далеко не так. Именно поэтому мне нравится писать прозу, которая выходит из реальной жизни. Нравится то, что делает Варламов. Негромкая и глубоко правдивая литература. Потому что она проникает внутрь человека. Очень хороша книга Басинского «Святой против Льва». Знаете? О Льве Толстом и Иоанне Кронштадтском. Я читаю ее с большим удовольствием. Павел огорчен, что в церковной среде мало кто проявил к ней интерес, хотя в ней много просто уникального. Не

знаю, обращали ли вы внимание, что много верующих не обременяют себя церковным знанием. Они формируют свой образ церковной жизни, по своему разумению, и дальше идти не хотят. Считают, причем от лица Церкви, что только у них верный взгляд на мир, и ведут себя как слон в посудной лавке. А ведь чего яснее: Церковь – это прежде всего забота о бедных, о больных, об увечных, об униженных, об оскорбленных, помощь бездомным, заключенным... Это, на мой взгляд, самое важное.

– **Спаситель, как известно, пришел именно к больным, а не к здоровым.**

– Именно! Жаль, когда это принимает карикатурные формы. Байкеры с хоругвями наперевес... Православные рок-концерты с батюшками... Не факт, что это приведет больше людей в Церковь. А выглядеть шутами перед всем миром – запросто. Есть вечные запросы, вечные нужды и вечные язвы – их надо врачевать, вот тогда будет расти доверие. А предвзятого отношения к Церкви и без того хватает, не прощают малейшего промаха. И сложно не давать поводы.

– **Нельзя не помнить и о том, что Церковь вошла в нашу реальность страшно ослабленной, почти уничтоженной всем предыдущим временем. Никто не хочет об этом думать и принимать во внимание. А к ней счет всегда особый, особо гамбургский.**

– Как всегда было и к интеллигенции. Той всегда пеняли.

– **А это, кстати, тоже косвенно доказывает тождество интеллигентности именно христианской этике.**

– Но это не противоречит тому, что я хочу сказать под занавес.

– **А что вы хотите сказать под занавес?**

– Интеллигентность – по моему разумению, это, прежде всего, совесть. Всемирная отзывчивость. Неравнодушные.

– **Все это смыкается с христианской этикой. Это практически синонимичные понятия. Просто не все это осознают.**

– Пока.

– **Хотелось бы верить. Благодарю вас. И помогите вам Господь в ваших трудах.**

Протоиерей Андрей Ткачев

Чтоб вместо розы не вырос бурьян

Содом в нравственном отношении не сразу был тем, каким мы его теперь знаем. И меры беззаконий, как известно, дополняются и пополняются, чего не видит человеческий глаз, но видит око Божие. Так вот, неодинаков спрос с людей, живущих в период зарождения Содома и в период «цветения» его. Неодинаково и их поведение.

К примеру, воспитанный и образованный человек конца XIX века не позволял себе высморкаться при женщине и высшим оскорблением почитал брошенную в лицо перчатку, не говоря уже о пощечине. И, допустим, суждено было этому аккуратному одетому человеку, обращавшемуся ко всем на «вы», дожить до революции, пережить Гражданскую и оказаться в ГУЛАГе. Это не Бог вещь какая фантазия, и случаев таких множество. И вот, став очевидцем и жертвой бесчисленных унижений и издевательств, видя попранную человеческую честь и достоинство, слыша бесовский лай из открытых, как гроб, гортаней, привыкнув к повседневной нравственной грязи, что сказать этому человеку о временах молодости? Он и не думал, что Ад существует, а вот – оказался

внутри него. Как примирить нежную юность с кошмаром зрелости?

Любое из слов, которое он слышит сегодня, тогда звучало бы как выстрел над ухом. Любая сцена, увиденная или услышанная сегодня, тогда довела бы его до нервного срыва, а ныне это – фон повседневности. И что сказал бы нам в ответ этот человек, если бы мы завели с ним разговор об «искре Божией», о врожденной тяге к добру, о неистребимом образе Божиим в человеке?

Я говорю это для того, чтобы «сбить бантики» с тех, кто легко и просто, без напряжений и усилий, к месту и не к месту повторяет цитату из Тертуллиана о том, что «душа наша по природе христианка». Душа, дескать, естественно тянется к добру, и избирает с удовольствием лучшее, и так далее, так далее. Все это так, но...

Нравственные качества воспитываются. Воспитываются храбрость, терпение, усидчивость, целомудрие, уважение к старикам, рассудительность. Разврат, наглость и корыстолюбие тоже не сразу овладевают человеком и обществом. Они тоже медленно накапливаются, просачиваются, как

вода сквозь прохудившуюся крышу, чтобы лишь затем пролиться потоком. В одном поколении они еще кого-то коробят, в следующем уже не коробят никого, а уже в следующем – все соревнуются в нечестии и хвалятся развратом. Родись человек в Содоме периода высшего расцвета, не знаю, каким религиозным гением нужно обладать, чтобы не раствориться в этом море греха! В иных сообществах ведь любые Божьи искры способны гаснуть без остатка.

Таким образом, будучи в разных пропорциях и смесях впитанными в кровь и плоть, злые и добрые нравственные качества становятся со временем характерными и определяющими для разных народов и сообществ. И мы уже говорим: римляне упорны, египтяне загадочны, а содомляне прокляты.

Это – констатация исторического факта, которому предшествовала длинная история. Но просто так, ни с того ни с сего, боюсь, в человека ничего окончательно не вложено, и представляет он из себя лишь некую потенцию, целиком зависящую от того, куда ее развернуть и чем наполнить.

Народы можно облагораживать и оскотинивать, освящать и демонизировать, со временем до неузнаваемости меняя их нравственный облик. Видимо, интенсивность этих процессов и составляет внутреннюю тайну истории.

К нравственной работе над собой не все люди способны в равной степени. Есть ведомые, и есть ведущие. Есть творцы нравственных систем (ибо нужна цельность, то есть система), и есть исполнители требуемого.

В том-то и состоит величие Авраама, что Бог находит его одного, среди моря людей, способным на интенсивное и глубочайшее Богообщение. Тем-то и велик Моисей, что, будучи погруженным в изысканную роскошь язычества, он был способен стать вождем народа и достойным сосудом Божественных знаний. Заметим этих двух.

У Авраама есть опыт общения с Богом и великие обетования, но нет никакой этической системы. У него нет учеников, книг, школы, зданий, цивилизации. Повторяю – только опыт и обетования. Моисею же даются в обилии и ученики, и книги, и систематизированное знание, и культ, и отправители культа. Вот теперь, когда семя Авраамово получило с Моисеем

систему мировоззрения и духовной практики, в народе, несомненно, появятся мудрецы, книжники, прозорливцы, храбрецы, строители, защитники. Поскольку есть все для формирования цельного нравственного облика большого количества людей. Что было бы иначе? Никому не интересные пастухи, которые во всем мире одинаковы.

Если душа человеческая совершает нравственное восхождение, то она может черпать из корней и сверху. Сверху это – от Отца светов, у Которого нет изменения и тени перемены. А из корней – это из глубин народной истории, если корни эти здоровы. Бывает, что свой нравственный рост нужно совершать не благодаря народным корням, а вопреки им. Это стоит зарубить на носу. Но в любом случае это труд, без которого вместо культурной розы будет только «естественный» бурьян. И естественное добро, не пропущенное сквозь сито ясного сознания и религиозного опыта, стоит недорого. Такое добро недолговечно, слепо, беззащитно и быстро выветривается. Ему даже научить никого нельзя, поскольку оно не умно, но эмоционально.

У христианских народов парадигма та же, что и у еврейского. В корнях, в глубине, в сумраке исто-

рии у христиан есть яркие носители святости и Богообщения. Далее идут великие учителя и наставники. Ну, а уже далее должны быть сотни, тысячи и сотни тысяч учеников и учеников тех учеников, чтобы не гас огонь научения, наставления и исполнения заповедей. Вот тогда-то учитель будет мудрым, судья – справедливым, а воин – храбрым. Нельзя обманывать себя поиском естественного нравственного величия. Величие и красота воспитуемы при помощи свыше. Чтобы убедиться, сравните дикий виноград с культурным или домашнего пса – с одичавшим.

Розанов правильно говорил, что душа в иные времена, может быть, по природе и христианка, но еще она по природе – язычница. И там, в тайной сердечной глубине своего разнузданного естества, она способна и завывать, и зазвенеть бубенчиками, и вокруг костра заплясать, и даже кровушки напиться.

Закон и Откровение; благодать и Тайнства – вот источник всего добро-го. Нужно запомнить эти слова и потрудиться, глубоко понять их смысл. Иначе наш «естественный человек» весело улыбнется, и вместо добродетели мы увидим такие клыки, перед которыми любая кость хрустнет.

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</p>	<p><i>Виктор Михайлович Каслин, 71 год, академик РАН, физик и меломан</i></p>	<p><i>Сергей, 20 лет, студент</i></p>	<p><i>Ольга Викторовна Якунина, директор Бюро пропаганды отечественного кино</i></p>
<p>Какие качества входят в понятие интеллигентность?</p>	 <p>Эта тема имеет две стороны. Одна сухая – интеллигентный человек умственного труда, человек интеллекта. Сейчас большей частью интеллигентность в человеке воспринимается как вежливое отношение ко всем и ко всему достойному.</p>	 <p>Интересный вопрос. Сейчас не знаю, что ответить.</p>	 <p>Умение слышать других.</p>
<p>Можно ли сказать, что интеллигентность – это определенное устройство души?</p>	<p>Думаю, что да.</p>	<p>Нет, я так не думаю.</p>	<p>Можно.</p>
<p>Интеллигентность – это качество врожденное или приобретенное воспитанием, образованием?</p>	<p>Полагаю, что есть и то, и другое. Есть от природы люди, которые относятся с уважением к другим, к их делам, к творчеству и не принимают вандализма, антитворчества. Есть люди, которые воспитаны в этом.</p>	<p>Это приобретенное, а не врожденное свойство.</p>	<p>Скорее всего, это окружение с детских лет, но и приобретенное. Скажу так: это – приобретенное качество и в то же время воспитанное окружением.</p>
<p>Помогает или мешает в жизни интеллигентность?</p>	<p>Я думаю, что больше помогает, но это зависит от ситуации. Если взять взаимодействие конкретного человека с людьми, обществом, в большей части это помогает.</p>	<p>А если не приветствуется, то может помешать.</p>	<p>Разные ситуации могут быть. Может помогать, а может мешать. Как говорила одна известная режиссер: «Скромность украшает, но не продвигает».</p>
<p>Что несовместимо с интеллигентностью?</p>	<p>Хамство и вандализм.</p>	<p>Хамство, вредные привычки.</p>	<p>Глупость.</p>
<p>Кто для вас образец интеллигентности?</p>	<p>Я встречал двух человек, которые произвели на меня сильнейшее впечатление: сын Нильса Бора, который выступал у нас с лекциями. И Илья Михайлович Франк, нобелевский лауреат.</p>	<p>Альберт Эйнштейн.</p>	<p>Очень трудно выбрать... Конкретно сейчас я не смогу сказать.</p>

ОТКУДА В ЧЕЛОВЕКЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ?

Анкета «Лампады»

<p><i>Катерина Данченко, 22 года, студентка</i></p>	<p><i>Виктор Калигорский, 61 год, филолог, поэт</i></p>	<p><i>Марина, 30 лет, секретарь</i></p>	<p><i>Татьяна Клементьева, 54 года, специалист журнального производства</i></p>
			
<p>В моем понимании это, прежде всего, доброта, стремление работать над собой, стремиться к идеалу.</p>	<p>Я думаю, образованность и мягкость.</p>	<p>Это образованность, вежливость, внимательность к другим людям. Это качества интеллектуальные и нравственные.</p>	<p>Я считаю, что в первую очередь в понятие интеллигентность входят порядочность, честность, нравственные устои.</p>
<p>Да, это определенное состояние души. Интеллигентность во многом зависит от того, с какой душой ты родился.</p>	<p>В какой-то мере – да.</p>	<p>И да, и нет. Есть люди, которые по своему происхождению из простых семей, но природная интеллигентность, деликатность в них присутствует.</p>	<p>Да, естественно, интеллигентность – это свойство души прежде всего. Когда-то я слышала, что академик Лихачев сказал, что более интеллигентных людей, чем в деревнях Архангельской области, он не видел.</p>
<p>Интеллигентность может возвращаться родителями, окружением. Но и от нас зависит, какими мы станем. К сожалению, быть интеллигентным – это всегда быть в меньшинстве.</p>	<p>Как врожденное качество это трудно оценивать. Врожденным оно может быть разве что по свойству характера, но в основном это приобретенное.</p>	<p>Это в какой-то степени продолжение предыдущего вопроса – оно и врожденное, и может быть приобретенным в зависимости от среды, от воспитания.</p>	<p>Врожденное, естественно. Но почему русский народ утрачивает интеллигентность? За годы советской власти была разрушена традиция семейного воспитания. Отсюда идет бездуховность сегодняшних поколений.</p>
<p>Мне кажется, самая большая помеха интеллигентности – это лень души, лень физическая, но не внешняя обстановка. Это не дает нам воспитывать в себе человека, который достоин уважения.</p>	<p>Когда как.</p>	<p>Сегодня она мешает. У нас сейчас культивируется агрессивность, наглость, умение идти напролом. В жизни внутренней, духовной, мне кажется, она помогает искать ответы на какие-то важные вопросы бытия.</p>	<p>Если говорить о сегодняшнем обществе, то, наверное, мешает. Наглым – легче.</p>
<p>Все та же лень и нежелание меняться в лучшую сторону.</p>	<p>Необразованность, жесткость.</p>	<p>Хамство, подлость, вероломство, бесчестность, глупость.</p>	<p>Наглость и хамство.</p>
<p>Для меня образец интеллигентности – мой наставник Владимир Львович Силко. У него большой опыт, и он может сформировать мое сознание, воспитать меня.</p>	<p>Трудно сказать. Не хочется говорить какие-то тривиальные вещи.</p>	<p>На ум сейчас никто не приходит.</p>	<p>Это моя тетьа Агриппина Елисеевна. Человек с пятиклассным образованием, но более бескорыстного, участливого человека я не встречала.</p>

Рядовой войска Христова (очерк православной жизни)

Речь пойдет о монахе Несторе, в миру – Николае Константиновиче Онуке. Карие, всегда улыбающиеся глаза, опрятная, в самый раз, борода и до колен пальто – вот, пожалуй, весь портрет, сохранившийся в моей памяти. Да еще бойкость, юркость, скорее располагающие, чем настораживающие, однако не очень свойственные среднестатистическому православному, коему хорошо за сорок. Время, казалось, обходило его, как река обтекает стоящий посреди течения камень. За тридцать лет нашего знакомства это впечатление не изменилось. Одно слово – инок, монах, то есть солдат, а не какой-нибудь, скажем, прапорщик не приметного войска Христова.

В комнату к моим друзьям, чье шалое и бестолковое семейство мы, по имени главы, для удобства звали Аликами, он входил всегда бесшумно и с двумя тяжеленными сумками. В одной – с трудом добытая в Москве дореволюционная духовная литература, в другой – консервы, крупы, сахар, баранки, хлеб. Позже, когда Алики стали многодетными, одну из сумок сменил сверток – то с одеяльцем, то с кипой пеленок и распашонок, а то со старенькой детской обувью.

К Аликам в те годы захаживали многие из ныне весьма известных батюшек. Артемий Владимиров, Олег Стеняев, Михаил Дудко, не говоря уже о будущих монахах и даже мучениках за веру, таких, как, скажем, Серафим (Шлыков). Двадцатилетние романтики, играя в суровое братство катакомбников-первохристиан, мы в силу своей молодости и неопытности просто не замечали, как тяжело даже такому богатырю, как Алик, очищать от снега пять-шесть участков в самом центре Москвы, чтобы каждый вечер подкормить и напоить всю нашу ораву чаем. Мы сами о хлебе насущном как-то все забывали, а если и приносили, то очень редко. И только один он помнил всегда. Быстренько попьет чаю где-нибудь в уголке, помолится на иконы и юрк в чуланчик. К своим сокрови-

щам – два шкафа с фолиантами, круглый, XVIII века, найденный Аликом на помойке стол, на котором горами вздымались серебряные оклады, иконные доски, церковная утварь, рулончики с сусальным золотом – одним словом, все то, что можно было достать с трудом, да и то лишь в Москве, за большие деньги, из-под полы или по большому благу.

В дискуссиях наших Нестор не участвовал. Алик как-то спросил его. Он ответил вроде даже и не очень понятно:

– Слишком вольно у вас. Вон Джус твой так Патриарха честит – слушать страшно. А я ведь могу по глупости и подкивнуть ему. Отвечай потом на Страшном суде.

В другой раз я хотел было втянуть Нестора в мой спор с Аликами о предназначении христианина, если тот тяготеет к литературному творчеству. Он только улыбнулся ласково и, перекрестившись, шмыгнул за дверь. Вскоре наши с Аликами дороги на время разошлись, и я стал заниматься почти неподъемной для меня в те годы кинодраматургией.

Об отношении же Нестора к литературе я узнал годиков через десять, когда мы с ним подружились. Это произошло на третьей или четвертой Аликовой квартире (его, как дворника, все время перебрасывали из одного выселяемого на капитальный ремонт дома в другой). И вот в огромной прихожей очередной московской коммуналки Нестор протягивает мне два брикетика с надписью «Торт» и властно, как старец послушнику, приказывает:

– Сегодня, Иван, день рождения у Кати. Приготовь к вечеру торт. Поздравим.

Я растерялся:

– Так я не умею.

– Писать умеешь – значит, и торт сумеешь.

И что вы думаете: изучив инструкции, я прикупил в «Гастрономе» масла, изюма, орешков, вафель и к вечеру выпек торт, который даже Катя оценила на пять с плюсом.

– А говорил, не умею. Писать умеешь – все сумеешь. Потому как Словом Господь мир зачал! – Никон сказал – как припечатал.

Я навсегда запомнил эти его слова. Ничего более высокого и ответственного о литературе сказать попросту невозможно. И только много позже я понял, почему на мои вопли о том, чтобы Алики занимались литературно-художественным творчеством, монах Нестор просто улыбнулся ласково и промолчал. Слишком высоко ценил он дар слова, данный человеку Богом, и слишком хорошо понимал, как не просто его воплотить в художественно осмысленные образы, что заставили бы человека хоть на секунду поднять взор к Господу. Среднестатистический солдат войска Христова, подобно многим простым и некнижным людям, видел жизнь куда трезвее и глубже многих дипломированных умников, встречавшихся мне по жизни. Может быть, потому он никогда и ни с кем не спорил, никого не осуждал, никому не досаждал своею высокой духовностью и глубокой начитанностью, а всего лишь тихо выполнял свое монашеское послушание, на которое, оказывается, был послан в Москву наместником Почаевской лавры. Разыскивать и скупать дореволюционную духовную литературу, церковную утварь и сусальное золото с последующей переправкой их на Украину, в обитель.

Частенько Нестор просил меня или кого-нибудь из Аликовых друзей помочь ему дотащить чемоданы с церковным дефицитом на Киевский вокзал, к поезду. Мы были счастливы и чувствовали себя чуть ли не подвижниками-первохристианами. Помню, что я испытал, когда он первый раз протянул мне скомканную бумажку – плату за мой труд. Чтобы я?!

– Всякий труд, сынку, должен быть оплачен. Даже в псалме сказано, что горько будет в последний день тому, кто мзду наемнику удерживает.

И с тех пор не знаю случая, чтобы хоть кто-нибудь из тогдашнего нашего окружения, став впоследствии батюш-

Рядом с отцом Нестором – раб Божий Николай, регент одного из московских храмов. В те времена он работал у нас в монастыре просфорником, и они вместе пели во время выпечки святого хлеба. Ни тогда, ни за последующие двадцать лет жизни в Даниловом монастыре ни с кем из монахов я не сошелся ближе, чем с отцом Нестором

Фото автора

кой или монахом, не заплатил бы земную мзду наемнику. Никто и никогда не забывал расплачиваться с людьми, пусть даже трижды мусульманами и язычниками, за оказанные нам услуги. Иначе ведь *горько будет в последний день, егда душа от тела разлучится будет!*

Молился Нестор очень много и всегда почти осязаемо-радостно. Как-то я спросил его, кто его этому научил. Он с улыбкой ответил:

– Палка. Затрещины научили. В детстве отец становил нас, семерых оболтусов, на молитву перед иконами. Поначалу было маотно, скучно. То в сон бросало, то в зуд по всему телу. И когда кто-то начинал шалить, тут же получал по шее. После пары-тройки крепких

подзатыльников мы очень даже настраивались на молитвенную волну. А потом и радоваться молитве стали.

Родился наш инок в деревне, в пяти километрах от Почаевской лавры. После церковно-приходской школы с благословения отца с матерью пошел монашествовать в Почаев. Приняв постриг с именем Нестор, исполнял послушание на просфорне, полгода регентовал. А в возрасте двадцати одного года, в эпоху хрущевских гонений на Православие, вместе с другими почаевцами, в частности, с будущим святым Амфилохием (Почаевским), попал в тюрьму.

– Там меня не обижали, – как-то рассказывал он. – Даже воры в законе уважали церковников и защищали от шпаны.

Отсидев год «за религиозную пропаганду», отец Нестор вышел на свободу – без паспорта, но с условием: если в течение месяца не пропишется, пойдет по этапу, как обычный бродяга. Деваться отцу Нестору было некуда, и он вернулся в лавру. Однако недели через три на дороге, ведущей в обитель, запыхавшись знакомый милиционер «бобик». Нестор забрался в огромный плетеный ларь, что стоял на чердаке в поварне. В ларе хранился заплесневелый хлеб, и именно там, в душной, пропахшей плесенью темноте, монах обрел вынужденное политическое убежище.

Экипаж «бобика», не обнаружив Нестора, предупредил братию, что скоро приедет опять и что монах пусть

лучше объявится сам. Ему же лучше. Команда слово сдержала, но и Нестор не промах – не поддался на посулы. Так продолжалось – вы не поверите! – четырнадцать лет. Утром подъезжал милицейский «бобик» – явки с повинной не наблюдалось, и команда отпиралась восвояси. На пятнадцатую весну старший команды сказал:

– Пусть ваш Нестор приходит в милицию – высидел он свой паспорт.

Но уже на следующую весну власти вновь затеяли борьбу с Церковью.

Наместник, видя, что монастырь их вот-вот прикроют, вызвал к себе отца Нестора и, должно быть, от безысходности, благословил его съездить в Москву, на совет к Патриарху Алексию I (Симанскому). Тот, хоть и впервые покидал пределы своего района, проявил завидную расторопность и через два-три дня попал на прием к Святейшему. И Предстоятель принял единственно правильное для того времени решение: он назначил в Почаев нового наместника. И пока сдавались и принимались дела, вопрос с закрытием лавры затормозился сам собой. Через полгода все повторилось, и эта игра в кошки-мышки длилась без малого пять лет. Надо ли говорить, что отца Нестора уже знали в Патриархии как родного, Алексия I (Симанского) сменил Пимен (Извеков), и кто знает, к скольким высоким лицам ходил бы наш инок за благословением, да, слава Богу, настали блаженные времена «застоя», и о Почаеве как-то само собой забылось. Но не забылось в лавре великое умение их необычного насельника легко торить в Москве неторные дороги. И стал отец Нестор первым в СССР монахом-«челноком», добывателем раритетных книг, древних икон и старинной церковной утвари. Тогда-то мы с ним и познакомились.

Горбачев, если помните, объявил эпоху глобального «нового мышления», и вчерашние атеисты-ленинцы принялись дружно каяться. Началось время поиска всероссийской «дороги к храму». Всюду бурно открывались монастыри и церкви. Страну буквально завалили перепечатками дореволюционной и ротапринтной духовной литературы. Поставили на поток писание новых икон и штамповку церковной утвари. Монах Нестор разумно рассудил, что пора возвращаться к иноче-

ской жизни. И, рассчитывая дожить в тиши монастырских стен до смерти, а годков ему прибавилось порядком, вернулся в родной Почаев.

Однако... Ох, уж эти «однако»!.. Сколько же мы о них спотыкаемся! То ли отвык Нестор от устава за годы скитаний, то ли в самом деле многое изменилось в обители, некогда известной на всю Россию строгостью монашеской жизни и внутренним благочестием, – не легло ему на душу возвращение.

За время, что монах Нестор «челночил» в поисках дефицита, порядки в Почаеве несколько изменились. Появились крепенькие уборщицы, работницы трапезной и келейницы. Старый монах попробовал было выяснить, до каких это пор мужской монастырь будет кишеть «бабьем». На что новый наместник спросил его:

– Тебе что, бабы не нравятся?

– Не нравятся, – строго, солдатски, отчеканил отец Нестор.

– Ну, тогда поезжай-ка, братец, куда подальше, да поищи монастырь по вкусу. Нам двоим в одной обители не ужиться, – и наместник ласково благословил его наперсным крестом.

Известно: смирение – первейшая заповедь монаха. Благословили Нестора поехать, поискать обитель по душе – он и стал ездить. А заодно набирался опыта, знания о жизни разных монастырей, о виденных нестроениях не молчал, за что одни с него строго зыскивали, а другие, напротив, привечали. Знала отца Нестора российская монастырская братия, ох, знала!.. Даже Патриарх Алексий II (Ридигер), и тот был о нем наслышан. А что же Нестор? А он, представьте, к удивлению своему вдруг понял, что и нынешняя Почаевская лавра, откуда его с треском недавно выставили, по-прежнему остается столпом благочестия и православного традиционализма в стремительно либерализующейся России. Да и филаретовский раскол на Украине не способствовал успокоению трепетного сердца солдата войска Христова. И тут опыт монаха Нестора пригодился. Зная его боевитость и умудренность хождениями по любым инстанциям, осажденные филаретовцами владимировцы, чуть что, начинали названивать ему в Москву. И всякий раз, получая известие из очередной «горячей точки»

на Украине, старый монах покупал билет на поезд, стремительно подъезжал к атакуемому или только что захваченному раскольниками храму и, оказавшись в куче-мале возмущенно гогочущих православных, начинал... петь. Былая регентская закваска, прекрасно поставленный тенор, умные, пронизательные глаза привлекали к нему внимание возмущенных единоверцев. И вот уже через миг-другой вместо пустых проклятий и хулиганских возгласов толпа объединялась в слаженный строгий церковный пение. А после пары-тройки совместно пропетых молитвословий монах Нестор брал паузу и в тишине уже сухо, поделовому объяснял собратям, что и в каких инстанциях им надо сделать.

Так, действуя строго по закону и не давая возможности филаретовцам спровоцировать беспорядки, всегда выгодные расколу, монах Нестор отстоял не один православный храм.

Но вот пришла старость, а с ней и немощи, и неизбежные в таких случаях болезни, и дряхлость плоти. Почувствовав крайний упадок сил, монах Нестор уехал к себе на родину, в небольшую украинскую деревушку рядом с так горячо любимой им Почаевской лаврой. И там, в стареньком отчем доме на берегу запруды, написал всем своим друзьям совсем не характерное для него ненастойчивое приглашение подъехать к нему ровно через месяц, к строго определенному дню, в гости. И каково же было недоумение, а с ним и радость тех, кто откликнулся на его зов, когда они, зайдя к отцу Нестору в хату, обнаружили его в чисто убранной горнице на коленях перед иконами, в полном монашеском облачении, усопшим на боевом посту.

СКРЕПЫ

*Грехи умножаются
вследствие обилия благ
и исчезают вследствие
скорби и бед.*

*Святитель
Иоанн Златоуст*

Да будет храм!

Храм на обложке этого номера освящен во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Стоит он на южном берегу Крыма, в Нижней Ореанде, там когда-то был дворец Константина Николаевича Романова. Но в 1881 году случился сильный пожар. «От матушки получил я прелестный дворец, его больше нет, – писал Великий князь. – Восстановить его я никогда не буду в состоянии. Пусть же из остатков его созиждется храм Божий». Так оно и произошло.

зодчества Владимирским собором в Севастополе. Покровскую церковь построили за год и в начале октября 1885 года освятили в присутствии хозяина имения и его гостей.

Сын Константина Николаевича и наследник Ореанды великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915) известен как талантливый поэт, укрывавшийся под криптонимом К.Р.

В 1894 году в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде служил святой праведный Иоанн Кронштадтский, которого специально вызывали в Крым, в Ливадию, к умирающему Императору Александру III.

Покровский храм в Нижней Ореанде воспет Антоном Павловичем Чеховым в его знаменитой повести «Дама с собачкой».

В наши дни храм Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде притягивает к себе православных людей со всего постсоветского пространства. Вокруг его стен проходят многочисленные крестные ходы. Нынешний год отмечен особым, повышенным интересом: четырехсотлетие Царского дома Романовых.

Настоятель храма – протоиерей Николай Доненко, неутомимый исследователь биографий новомучеников и исповедников российских, автор многих книг на эту тему. Ежегодно в гости к батюшке приезжают участники летних археологических экспедиций, молодые ученые, студенты, активисты молодежных православных организаций и движений.

Вадим Рутковский

Место для постройки Великий князь выбрал сам, и в октябре 1884 года, в день Покрова Богородицы, когда в своих имениях на Южном берегу отдыхали члены семьи Романовых, заложил в фундамент первый камень. Проектировал церковь академик архитектуры А.А. Авдеев, известный знатокам и ценителям византийского

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЫСТАВКА

“ВО СЛАВУ БОЖИЮ!”

23–28 июля

НА ВЫСТАВКЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ:

- Монастыри, храмы (Россия, ближнее и дальнее зарубежье)
- Святыни, чудотворные иконы
- Подворья, паломничество
- Храмовое убранство, предметы церковного обихода
- Иконопись
- Православная литература

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Челябинская епархия
Русской православной
церкви

1 Первое
Выставочное
Объединение
pvo74.ru

ДС «Юность», Свердловский пр., 51
тел.: (351) 215-88-77 www.pvo74.ru

Руслан Армеев, фото Валентины Березкиной и автора

Сбились с пути... Как вернуться? Столкнулись на площади культура и вера

В этом году мы, несостоявшиеся прихожане Смоленского храма, хотим в праздник Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрия» («Путеводительница»), отметить 300-летие этого первого каменного городского храма, которого уже полвека нет как нет. И не то чтобы разрушился он от ветров, дождей, морозов и оттого, что в раствор храмоздатели не доложили когда-то яиц, – просто и обыденно взорвали церковь некие наши земляки-даниловцы – крушили ломами, кирками, растаскивали по кирпичу, привычно выполняя завет нашего очередного всевластного вождя.

Храм этот, заочный сегодняшней юбилей, успел до кончины своей послужить городу... домом культуры. Вот еще бесовское направление большевистской мысли: культурой выбить из народа веру!.. Так ведь и получилось, судя по тому, как потом послушно рушили люди свой храм!

Помню, очень хорошо помню тот – «смоленский» дом культуры! Кресты, купола и подкупольные барабаны давно, конечно, были сняты, крышу залатали, над алтарем возвели уродливый деревянный второй этаж, служивший «артистической уборной», а внизу на месте алтаря и солеи устроили сцену – для концертов, над сценой повесили экран – чтобы крутить кино. В трапезной поставили ряды полуфанерных кресел, на хорах сделали «галерку» и брали за вход туда на 10 копеек меньше, чем в «партер». В выходной – тут же «вечера танцев»: кресла сдвинут вдоль стен и на всю мощь динамиков включают «Рио-Риту»... Страсти Господни!..

Но вот о чем забыли – оставили в окнах церковные кованые решетки. А еще благополучно росла и по веснам зеленела посаженная в начале века березовая аллея, что вела от соборного дома, где обитал некогда

причт, – прямо ко входу в храм-ДК. Мой путь в школу – так уж получилось – все десять ученических лет проходил как раз по этой березовой «поповской» аллее и в обход «культурного» храма. И я, помню, не уставал любоваться и ровными веселыми рядами берез (многие из них сегодня живы), и изумительной красоты старинными – забытыми – решетками окон. А добрая билетерша тетя Маруся пропускала потихоньку нас, безбилетников, – в пятый раз! – на отчаянную киношку «Смелые люди»... Ох, несмелыми оказались потом мои земляки, легко позволив убрать «Путеводительницу» с лица земли!..

Шатровая колокольня XVIII века, которая объединяла два храма на Соборной площади в один церковный ансамбль, была взорвана еще до войны. До взрыва и она поработала на «культурно-спортивном фронте», превратившись... в парашютную

вышку. Сохранилась пара терзающих душу снимков, где на одном у основания обреченной колокольни валяются сброшенные колокола, а на втором мальчишки стоят у разбитых многопудовых, отзвучавших свое исполинов и... впитывают в себя наглядный пример варварства, святотатства взрослых... Из «колокольных» кирпичей тогда же пытались сложить здание школы – не сложилось, не вышло! А семья человека, участвовавшего во взрыве, – в народе все знают – претерпела многие беды и лишения. Так ведь, прости нас, Господи, а как иначе?..

Пока «культурные» наши люди измывались над бывшим зимним Смоленским храмом (и нас, пацанов, в это вовлекали), пока засыпали землей фундаменты взорванной колокольни, главный городской собор – Воскресенский – хоть и без крестов, без куполов, величаво стоял рядом и «работал»... складом культтоваров. И кому из местного начальства пришла в голову очередная шальная мысль (подыдем когда-нибудь архивы, узнаем!) перевести районный дом культуры из Смоленского храма (маловат якобы стал, да и убог) в соседний Воскресенский собор? Сказано – сделано! Сколько энергии, сколько средств потратили! Паперть и притвор пришлось отломать и на их месте, впритык к западной стене собо-

Смоленский храм: эволюция революции

ра, построить нелепой архитектуры («коробка из-под обуви») зрительный зал, а с восточной стороны, отломав три алтарных апсиды, возвести на их месте помпезное крыльцо и для входа в новое «культурное учреждение» – о ужас! – растесать Царские врата. Двусветный объем собора разделили на два этажа, устроив под сводами еще и чердак. В храме открыли общественный туалет (!). А над крыльцом снаружи укрепили аршинные буквы – «ДОМ КУЛЬТУРЫ»...

Честное слово, если бы средства, затраченные тогда на все это, направить на возведение типового дома культуры, обошлась бы затея гораздо дешевле!.. Так до сих пор и входят даниловцы – кто перекрестится, кто нет – через бывший алтарь и Царские врата в свой районный дом культуры, в тот «культурный дом», который сгубил два градообразующих храма.

Многие из нас давно опомнились и предпочитают туда не ходить, пытаются возвысить свой протестный голос. Группа верующих, молясь о возрождении собора, каждое воскресенье в любую погоду вот уже несколько лет читает на крыльце, в сакральном пространстве бывшего алтаря, акафист Воскресению Христову. Местная пресса ведет робкую кампанию за постройку нового культурно-досугового центра и за передачу бывшего собора Церкви. Власть теперь – удивительно! – наши голоса вроде бы слышат. Прежний ярославский губернатор, зайдя в даниловский дом культуры,

сказал: «Не водите меня больше в этот гадюшник!» и выделил городу энную сумму на его ремонт. Проект предусматривал все покрасить, побелить, укрепить и на чердаке, под сводами собора, где еще остаются старые фрески, сделать... экзотическое кафе. Тут взбунтовались общественники и такому проекту сказали категоричное «нет!»... Еще один прежний губернатор велел подыскать место под новый ДК и заказать его проект. Подыскали, заказали – проект красивый, но вот уже который год он где-то проходит стадии согласований. Тем временем опять губернатор сменился. Нового ярославского начальника, насколько я знаю, в этот, прости Господи, «гадюшник» еще не водили и о прежних видах на новый городской ДК не докладывали. Крыша, между тем, на соборе-ДК течет, кирпичи из цоколя и с верхних карнизов осыпаются... Да, новость! Слышал, что начальство ДК хочет поставить стеклопакеты. Только стеклопакетов бывшему собору и не хватало!..

Конечно, хорошо бы, как пишут старые книжки о постройке храмов, собраться бы с духом и «тщанием горожан» возвести новый ДК – коль ни советская власть, ни антисоветская этого сделать не смогли, а собор бы возродить и отдать по принадлежности – верующим, да ведь теперь у горожан, извините за просторечие, «кишка тонка». Был здесь завод машиностроительный – лежмя лежит! Был промкомбинат – ау! У железной дороги свои проблемы. Остались

магазинчики, парикмахерские, хлебо- и маслозаводик, а хлебопекам да цирюльникам стройку, увы, не осилить...

И за что моему бедному Данилову такая участь?! За то, видно, что Соборную площадь – было время – переименовали в площадь Карла Либкнехта? Говорят, этот немец вел свою родословную от самого Лютера. Но мы-то тут – православные-соборяне – при чем?.. Вина наша и отцов наших, наверное, в том, что позволили-таки снести с площади, с лица города «Одигитрию» – «Путеводительницу» и, значит, сбились с пути...

Нет-нет, рук не опускаем!.. Бывшие наши «афганцы» поставили на месте старинной Смоленской церкви скромную деревянную часовенку и поминают в ней своих, павших за чужую родину товарищей... На стене Воскресенского собора мы повесили памятную доску о радостном историческом событии – сам Патриарх Московский и всея Руси Тихон служил здесь в сентябре 1918 года... Отсюда и звучит еженедельно акафист Воскресению Христову... Вот в августе перед принесенным ликом Смоленской Божией Матери «Одигитрия» отметим здесь 300-летие старейшего нашего храма – отметим с горячей молитвой и надеждой на помощь Божией Матери в святом деле возрождения и главной – Соборной – площади, и всего города...

г. Данилов, Ярославская область

Остатки фресок на чердаке

На земле колокола умирают

«По делам их узнаете их»

Татьяна Шалыганова, заведующая сектором фондов музея-усадьбы В.Г. Белинского

Портрет семьи в интерьере истории

В сентябре 2005 года наши музей посетили туристы из соседнего района. Руководитель группы показала нам фотографию и сказала: «Этот священник когда-то служил в вашем храме». К сожалению, годы не пощадили снимок. Но, как выяснилось, жизнь не пощадила и тех, кто изображен на снимке, – отца Владимира Белякова и матушку Марию.

«Враг народа», священник Владимир Беляков

Лидия, которая заменила сиротам и мать, и отца

Об о. Владимире до недавнего времени было мало что известно: сирота, воспитывался при монастыре. Был еще старший брат Петр. Начали было искать в с. Пушанино Белинского района, где и поныне есть Беляковы. Но никто таких не помнил. В 2006 году краевед из Пензы Тамара Леонидовна Шалимова неожиданно нашла в «Клировых ведомостях Казанской церкви села Можаровки Городищенского уезда» сведения о биографии Владимира Белякова. Выяснилось, что он родился 24 июня 1888 года в Томске, его отец – крестьянин села Мачи Чембарского уезда Пензенской губернии. Имя неизвестно.

Что за пути привели крестьянскую семью из срединной России в центр Сибири?.. Позже нашлись (все та же Т.Л. Шалимова) ревизские сказки за 1858 год, из коих следовало, что государственные крестьяне села Мачи (среди них – семья Беляковых) в 1852 году были «перечислены» в Томскую губернию. Но потом Беляковы, похоже, вернулись в родные края.

Вся жизнь будущего отца Владимира начиная с первых сознательных шагов и вплоть до «исторического выстрела крейсера революции» была словно предуготовлением к последующим страданиям. Учеба в церковно-учительской школе, работа учителем церковно-приходской шко-

лы, псаломщик, диакон и, наконец, священник, что и подтвердила запись в «Клировых ведомостях». То есть, ступив однажды на путь служения Господу, он не сошел с него до конца. А какой была эта дорога, Русская Православная Церковь может поведать не одну подобную историю.

На фотографии, присланной из мест заключения, отец Владимир написал: «Горячо и нежно до гроба любимой супруге и милым ненаглядным

деткам на добрую и долгую память от мужа и отца. Маршанский Домзак, 8 марта 1933 года. Снято 6 марта 1933 года. Цена 2 р. 50 к. Камера № 6. Фотограф из заключенных И.И.». Личная роспись и расшифровка фамилии. Все четко, по-ленински: социализм – это учет. Указана даже цена, которую заплатил священник за фотографию на память для семьи. Впрочем, заплатил он не только эту цену, и не только за

любовь к семье. Главную цену священник Владимир Белов заплатил за любовь к Богу.

Вот его фотография дореволюционной поры: отец Владимир и его матушка, Мария Георгиевна. Качество, конечно, очень плохое, но рассмотреть спокойствие в лицах можно.

И рядом – священник Владимир Беляков, заключенный из того самого Моршанского домзака. Сказать: одно и то же лицо – не поворачивается язык.

Вот еще фото из семейного архива. На ней – почти вся семья, нет только младшенькой, Зинаиды, ей только предстоит родиться. В семье было тринадцать детей. Трое умерли, не дожив до совершеннолетия. В конце 20-х годов они еще вместе. Лишь на минуту оставили свои дела, чтобы сфотографироваться.

И никто из них не мог подумать, что именно эту фотографию сохранится как единственное бесценное свидетельство нормальной жизни.

А потом – как у А.И. Солженицына: красное колесо безжалостно покатило по жизни каждого члена семьи. Когда начались гонения на церковнослужителей, отца Владимира несколько раз арестовывали, отправляли в ссылку как врага народа. Отпускали ненадолго, потом опять забирали на несколько лет.

Беляковы. 20–30-е годы

А детям в лицо кричали: «Поповские выродки!». И даже учиться в школу не брали. Им очень страшно было смотреть, как горела бело-голубая, вся в ажурных украшениях, церковь в Глебовке. Из дома священника забрали все, до последней сковородки. На просьбу отца Владимира оставить детям хлеб сказали: «Твоим детям уже ничего не нужно». Младшая, Зинаида, до сих пор не может без слез вспомнить о том, как вырвали у нее из рук чашку, а содержимое вывалили на стол. Внучка батюшки, Елена Васильевна, на всю жизнь запомнила: «На допросах деда заставляли публично отречься от веры. Он отвечал отказом.

– Тогда не будет ни тебя, ни твоих детей.

– Ну, значит, моя судьба такая.

Когда его забирали в третий раз, он, словно предчувствуя беду, сказал: “Уже не вернусь”».

Не дождавшись своего батюшки, 25 августа 1939 года умерла Мария Георгиевна. Ей было 47 лет. Дети остались одни. Старший, Петр, еще при жизни мамы уехал на заработки в Донбасс, ему тогда было чуть больше десяти лет. Присылал деньги, чтобы братья и сестры не умерли от голода. Зинаида тогда едва исполнилось восемь лет, чуть постарше – Сима и Аркаша. Но главная тяжесть легла на плечи старшей, Лидии. На фотографии ей семнадцать с небольшим. Из Глебовки Лида ходила на работу за десять километров в Башмаково. Все дети ее провожали, поднимались на пригорок за селом и просили: «Приходи быстрее!». А вечером надо было не просто возвратиться, но принести что-нибудь поесть.

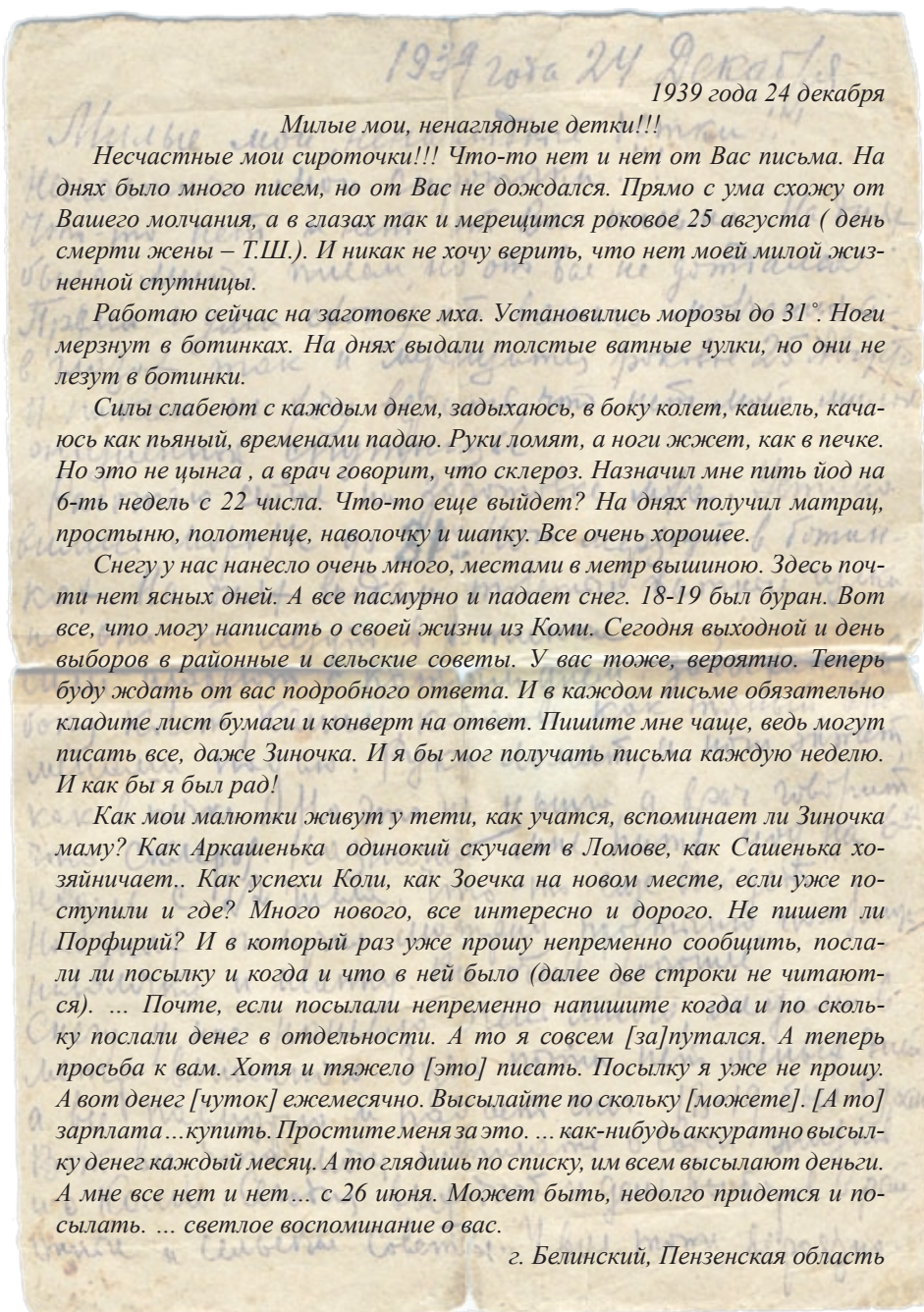
Война застала сирот Беляковых в родной Глебовке. Братьев, что постарше, забрали на фронт. Вениамин дошел до Победы, стал кадровым военным, вышел на пенсию майором. Порфирий всю войну отслужил сапером. Разминировав уже мирный Сталинград, однажды после очередной обезвреженной мины вмиг облысел, все волосы остались на шинели.

Александра забрали прямо из учительского института, он был ранен под Ржевом. Ранение в голову было почти смертельным, он долго не приходил в сознание. Из московского госпиталя его на носилках привезли в Глебовку, где

жила Лида с братьями и сестрами. Его нужно было поставить на ноги, нужно было усиленное питание. И тогда сестра специально для него стала брать по пол-литра молока в день. А малыши не позволяли себе даже притронуться к молоку, хотя сами были голодные. Александр выжил, но остался инвалидом. Николай погиб молодым, в 22 года, уже после того, как отгремели победные залпы. Не попали на войну только Аркадий по молодости лет и Петр, так как еще с финской войны уже был инвалидом.

Вот так служили родной земле дети врага народа священника Белякова. А как служил Господу Богу сам отец Владимир, мы уже знаем. До 1942 года он, как потом стало известно, был жив. На запрос сына Аркадия о судьбе отца пришел ответ: заболел туберкулезом и умер.

Сейчас жива только младшая дочь, Зинаида Владимировна. И живо единственное письмо, присланное отцом в декабре 1939 года. Вот как оно выглядит. И вот что в нем написано:

Дмитрий Шеваров

Стиль, который никогда не повторится

Великий художник Михаил Нестеров

В Третьяковской галерее – самая полная за всю историю выставка его произведений. Представлены работы из тридцати двух музеев и нескольких частных собраний. Некоторых произведений раньше не видели даже знатоки. Чтобы собрать в Москве холсты Нестерова, разбросанные по всему пространству бывшего Союза, понадобилось немало времени. Третьяковке пришлось даже пропустить юбилейную дату – 150 лет со дня рождения художника исполнилось в прошлом году.

Если вспомнить детское впечатление от его картин, то жизнь Нестерова может показаться пасторалью. Ведь рисовал он что-то сказочное, тихое и светлотаинственное. Как тут догадаться, что жизнь Михаила Васильевича Нестерова была полна трагических испытаний – с юности и до глубокой старости. Смерть после родов 24-летней жены Маши, потеря двух маленьких дочерей, смерть сыновей Федора и Алексея, а еще войны и смуты...

Нестеров – одно из самых честных и чистых имен в русском искусстве. И как он сохранил такую ясную, бодрую и смиренную душу? Об этом размышлял еще Василий Розанов: «Нестеров – один из самых прекрасных, строго-прекрасных русских людей, встреченных мною за всю жизнь... Он был очень скромн, неречист, почти застенчив, но все это прекрасно и гармонично, без преувеличения... Одухотворение, несущееся из его картин, никогда не забудется. Он создал “стиль Нестерова”, и тот стиль никогда не повторится...».

Прав оказался Розанов. Сегодня вернулись все темы, которыми жил художник. Но явления, подобного Нестерову, пока нет. Речь, конечно, о масштабе личности и глубине творчества. В любой работе прежде мастерства светит душа. В лицах его героев нам сразу светят глаза – огромные, полные любви и неба очи. В сентябре 1923 года Нестеров писал священнику Сергию Дурьлину: «Душа необходима картине не менее формы и цвета. Она и есть тот “максимум” достижений в творчестве, который отмечает присутствие Бога – творца всего живущего...».

Недавно я стал ловить себя на том, что на выставках больших русских художников в Третьяковской галерее смотрю не только на картины, но и на лица зрителей. На выставке Нестерова я увидел людей, которые будто сошли

с полотен художника. Дело не одежде, а исключительно в лицах. Откуда они берутся? Ведь в метро и на улице мы таких лиц не встречаем (или не замечаем?). Быть может, когда открывается столь особенный, глубокий и сильный художественный мир, связанный с истоками русской души и с историей народа, то он притягивает к себе все, что осталось ему близкого в сегодняшней жизни? А еще невольно думаешь о том, что не только для детей, но и для всех нас страшно важно, среди чего мы живем, в каком контексте. Контекст торговых центров – это одна жизнь, контекст барраков и запустения – другая, а контекст Ферапонтова и Валаама, Абрамцева и Михайловского – это третья жизнь, на другой духовной высоте.

Когда-то Сергей Глаголь очень точно заметил, что не только персонажи Нестерова находятся в молитвенном состоянии, но и сам пейзаж у художника молится. Нестеровский пейзаж сосредоточен – ни ветра, ни дождя, ни снега, ни прямых лучей солнца, ни буйства красок.

Появление в русском искусстве Михаила Нестерова – до сих пор загадка. Его могло и не быть. Десятый ребенок из двенадцати детей, он чуть не погиб в младенчестве. В воспоминаниях писал, что только молитва матери возвратила к жизни «хилого, дышашего на ладан, ребенка». Исцеление Миши от смертельной болезни в семье связывали с заступничеством преподобного Сергия Радонежского.

Вот где исток самой известной картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Собственно, все свое творчество художник посвятил созданию живописного жития Преподобного. Именно с ним молодой художник хотел выйти к народу. В конце лета 1888 года 24-летний художник нанял избу в деревне Комякино близ Хотькова, чтобы

Автопортрет. 1900-е

работать там над своей главной вещью. Позднее он вспоминал: «Я полон был своей картиной. В ней, в ее атмосфере, в атмосфере видения, чуда, которое должно было совершиться... Хотелось так написать осень, чтобы слышно было, как журавли кличут высоко в небе... Да разве можно так написать?...».

Но он написал эту осень, и журавли слышны с его полотна. В конце жизни Нестеров вспоминал: «Чего я особенно боялся – лица Сергия. Лицо это мне мерещилось еще смутно... Одно для меня было ясно, что Сергей был русский. Позднее в “Трудах...” я написал его с рыжеватой бородкой, и чуть меня тогда не обмануло. В 1920 году, когда мощи преподобного Сергия были вскрыты, я своими глазами убедился в том, что не ошибся. Оставшиеся волосы были русые с легкой проседью, с проседью же была и рыжеватая борода Сергия...».

А ведь его могло не быть и как художника. В ту пору, когда начинал свой творческий путь, искусство решительно отвернулось от Церкви, сочтя религиозную тему исчерпанной.

А эти тонкие, бледные, почти чахоточные лица нестеровских отроков и девушек – откуда Нестеров взял их? Ведь Россия еще дышала здоровьем. Взгляните на цветные снимки Прокудина-Горского: там страна, полная сознания своих сил. Грандиозные заводы, новейшие паровозы и корабли, замечательные дороги и мосты, новенькие храмы, красиво одетые и вполне довольные жизнью люди. Ничто не предвещает катастрофы.

Нестеров же, начиная с 1890-х годов, пишет Россию страдальческую и жертвенную. Пишет новомучеников в то время, когда они еще не ведают о предстоящем мученичестве.

Тут много необъяснимого. Вот в 1897 году 35-летний Нестеров работает над «Великим постригом». Самый пронзительный и нежный образ этой картины – девушка, идущая со свечой, низко склонив голову. И это оказывается первым портретом великой княгини Елизаветы Федоровны. А ведь художник еще не был с ней знаком, и она тогда не помышляла о постриге. Пожалуй, никто кроме, одного-двух человек, не мог тогда оценить пророческий художественный дар Михаила Нестерова. В нем видели добротного мастера, который по своему «ортодоксальному недомыслию» хватается за «уходящее и отжившее». Главные герои его картин – иноки и инокини, послушники и послушницы – вызывали у критиков безумное раздражение.

С другой стороны его критиковала тогдашняя православная общественность, обвиняя в подражании французским модернистам и символистам. «Это большое заблуждение. Я пою свои песни, они слагаются в душе моей из тех особенностей, обстоятельств моей личной жизни, которые оставляют наиболее глубокий след во мне».

Редкая способность оставаться независимым не только от критиков, но и от власти помогла выстоять художнику в послереволюционное время, когда даже такие люди, как А.М. Горький, шли на сделки с совестью.

В июле 1920 года, вернувшись после скитаний гражданской войны в Москву, Нестеров обнаруживает, что в его доме на Новинском бульваре поселились «красные командиры», квартира и мастерская реквизированы, имущество, библиотека и архив расхищены. Другой бы человек впал в крайнее уныние или уехал в эмиграцию (благо такая возможность тогда еще оставалась), а Нестеров, подыскав себе угол, начинает по памяти восстанавливать утраченные этюды и картины.

В мае 1925 года к нему приходят с ордером на арест и отправляют в Бутырки. Художника обвиняют в участии в собраниях запрещенного религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Сотрудники НКВД ищут протоколы собраний общества, но,

не обнаружив ничего криминального (опасные бумаги спрятаны в свернутых коврах), отпускают художника.

Он живет так, будто не замечает происходящего в стране. В годы самых лютых атеистических гонений продолжает работать над циклом о преподобном Сергии. Пишет картины на евангельские сюжеты. Когда ему предлагают организовать персональную выставку. Нестеров ставит условием экспонировать картину «На Руси». Это сочли вызывающим поступком. В 1936-м – по той же причине вновь отказывается от персональной выставки и от юбилейных чествований.

Власть решает, что старика необходимо сделать сговорчивее. В 1938 году зятя художника, видного юриста Виктора Николаевича Шретера, обвиняют в шпионаже и приговаривают к расстрелу. Дочь Ольгу (это она изображена на знаменитом портрете «Амазонка» 1906 года) ссылают в Джамбул. Потом на смену кнуту приходит пряник: 15 марта 1941 года Нестерову присуждают Сталинскую премию за портрет академика И.П. Павлова (написанный, кстати, три года назад). Но художника волнует совсем другое: тяжело болен сын Алексей, на пороге война...

Фашисты подошли к Москве и в бинокль разглядывают Кремль, а Михаил Васильевич пишет в письме другу: «Нам, старикам, под конец, “под занавес” дается увидеть то, что никогда не снилось “нашим мудрецам”... Чувствую я всей полнотой своего сознания, что “немца” мы прогоним, когда – все равно, но он у нас не заживется и надолго будет помнить нас – “Иванов”. Мы ведь за редчайшим случаем все “Иваны”, но ведь один загадочный Иван когда-нибудь возьмет да и опишет, “не мудрствуя лукаво”, всю Иванову жизнь, его душу, его ум и глупость и итог подведет. Пока что мы живем “задним умом”, простодушно умных считаем дураками и наоборот, но это когда-нибудь минует, и мы однажды проснемся зрячими. Дал бы Бог поскорей...». Ему предлагают уехать в эвакуацию, но он отказывается.

...Нестеров скончался на сороковой день после смерти сына Алексея – того самого мальчика-странника с картины «На Руси», за которым идет весь русский народ.

Незадолго до смерти Михаил Васильевич сказал: «Жить буду не я. Жить будет “Отрок Варфоломей”».

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1862, 19/31 мая. Родился в Уфе в религиозной купеческой семье.

1877. Поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

1883. Знакомство с будущей женой, Марией Ивановной Мартыновской.

1885. Женитьба (вопреки желанию родителей). Звание «Свободный художник».

1886. Звание «Классный художник» и Большая серебряная медаль.

1886. Рождение дочери Ольги и почти сразу смерть любимой жены.

1889. Путешествие в Австрию, Италию, Францию, Германию.

1890. П.М. Третьяков приобретает «Видение отроку Варфоломею».

1892. Пишет эскизы росписей, а также иконы Бориса и Глеба для Владимирского собора в Киеве.

1896. Присутствует на освящении Владимирского собора. Представляется царской семье.

1901. Поездка в Соловецкий монастырь.

1902. Демонстрация в Киеве программной работы «Святая Русь». Второй брак, с Екатериной Петровной Васильевой.

1907. Принимает приглашение великой княгини Елизаветы Федоровны исполнить росписи и иконы для церкви Покрова Богородицы Марфо-Мариинской обители милосердия.

1910. Переезд из Киева в Москву в связи с началом росписи Покровского храма Марфо-Мариинской обители.

1914. Принимает к себе на квартиру для лечения и отдыха раненых солдат. Сам живет и работает в Черниговском скиту Троице-Сергиевой лавры.

1917. Пишет портрет архиепископа Антония.

1925. Арест и двухнедельное пребывание в Бутырской тюрьме.

1926. Написана картина «Христос, благословляющий отрока Варфоломея».

1932. «Всадники».

1933. «Страстная седмица» (для конспирации датирована 1914 годом).

1936. 50-летие творческой деятельности. Отказывается от официальных чествований.

1938, август. Зять расстрелян. Дочь сослана.

1941. Сталинская премия (за портрет И.П. Павлова).

1942. Звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

1942, июнь. «Осень в деревне» – последняя значительная работа.

1942, 18 октября. Кончина. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Христос, благословляющий отрока Варфоломея. 1926

Амазонка. Дочь Ольга. 1906

Дочь Наталия. 1914

Отцы пустынноики и жены непорочны... 1932

Всадники. 1932

На горах. 1896

Осень в деревне. 1942

Нас сближают творчество и вера

Дорогая редакция! Два года прошло со времени нашей публикации на страницах журнала «Лампада». Еще раз спасибо за журналы и подарки, которые вы нам прислали! Вы просите рассказать, как идут наши дела, что стало с авторами той, первой публикации.

Вот это мы все. Кроме Маргариты Дроновой, которая нас фотографирует. Второй справа (в очках) – я, Игорь Эпанаев. Я всех их очень люблю, они такие славные, красивые...

Дарья Смирнова заканчивает 11 класс, она победитель уже многочисленных литературных конкурсов и фестивалей, в том числе и всероссийского уровня, имеет награду мэра города, получает стипендию за достижения в творчестве, хочет стать социологом или журналистом. Полина Панюшкина уже учится в Санкт-Петербургском университете на социолога и продолжает писать стихи. Екатерина Калинина – будущий филолог, студентка нашего Череповецкого государственного университета. Илье Сысоеву писать некогда: все время забирает Вологодское духовное училище. Наталья Стулова окончила медицинское училище, уже работает. Марина Филиппова защищает диплом в нашем университете, Анастасия Шебалина завершает десятилетку и собирается связать дальнейшую учебу и работу с музыкой. Про Дмитрия Сулова, к сожалению, ничего сказать не могу. Сам я пишу стихи для детей, участвую во

Всероссийском фестивале «Молодые авторы вокруг Детгиза», опубликовался в книге «Как хорошо!», печатаюсь в журнале «Костер» (Санкт-Петербург), да-да, в том самом! – он выходит до сих пор. Регулярно публикуются там и учащиеся «Школы поэзии» нашего Центра детского творчества, мы побеждаем во Всероссийском фестивале «Ваш веселый звонок» и ездим в Санкт-Петербург на итоги конкурса по программе мэрии «Одаренные дети», а также и в Москву, как победители конкурса «Не одни» имени Николая Рубцова, и еще в лагерь «Орленок». В объединение приходят новые поэты и прозаики. Кто-то делает первые шаги, кто-то уже добился успехов. Но всех нас сближают творчество и вера.

Вы просите «рассказать поподробнее». Какие особенные «подробности» могут быть в нашей жизни? Все еще такие молодые... Если о творчестве, то все мои ученики сами выбира-

ют темы. Печатаемся в православных газетах нашего города – «Радуге» и «Колокольчике», посещаем храмы для встречи с редакциями православных газет, православную библиотеку для участия в духовном конкурсе. Ведь одно из основных направлений нашего образовательного учреждения – духовно-нравственное воспитание. На базе нашего Центра работает областная площадка по оказанию поддержки педагогам по программе «Истоки», проходят встречи с православными детскими писателями (Татьяна Дашкевич, Минск), Всероссийская православная олимпиада, лектории педагогов воскресных и городских школ, регулярно, вот уже в течение четырех лет, встречаемся с архиепископом Вологодским и Великоустюжским Максимилианом, с ректором Вологодского православного училища протоиереем Алексеем Сорокиным, с вологодским писателем протоиереем Александром Лебедевым, с В.Н. Яцкиным (автор проекта «Под солнцем»), православный писатель-краевед Мальцев читает лекции, проводятся духовно-патриотические конкурсы, научно-практические конференции для педагогов и учащихся, Таисевские чтения.

В храм ходим не вместе (каждый – в свой, соответственно и духовники разные). Когда встречаю в храме учащихся, всегда радуюсь: видно, идет от семей. И оттого, что мы – русские, какими же нам быть, если не православными? Это естественно и закономерно. Я стал ходить в храм относительно недавно, восемь лет назад, благодаря моей жене Ирине. Сейчас она поет в хоре храма преподобных Афанасия и Феодосия, также преподает церковное пение и гитару. Вот, пожалуй, и все.

С уважением – Игорь Эпанаев,
педагог высшей категории
«Центра детского творчества»
(Дополнительное образование детей)
г. Череповец

Школа поэзии Игоря Эпанаева

г. Череповец

Арина Васильева, 4 класс

КОШКА

По улице шла кошка,
Я покормил ее немножко.
Кошка быстрее все доела,
И опять на меня посмотрела,
Дал я ей корму немножко –
Стала есть его кошка.
Быстрее она все доела
И опять на меня посмотрела.
Тогда и я сказал кошке:
«Не наглеешь ли ты немножко?»
Кошка, мяукнув, ушла.
И к другим ребятам пошла.
Дали ей корму немножко,
Снова есть стала кошка.
Кошка быстрее все доела
И на ребят посмотрела.
Опять ей дали немножко,
И снова есть стала кошка.
Она все быстро доела
И опять на них посмотрела.
Они тут сказали кошке:
«Не наглеешь ли ты немножко?»
Кошка, мяукнув, ушла
И опять ко мне подошла...
Дал я ей корму немножко...

Рис. Анны Лесковой

* * *

Дарья Смирнова, 11 класс

Детский смех, откровенен и легок,
Пронесся чистым эхом вдоль стен.
Смех того, кто страдает с пеленок.
Смех того, кто так свят и нетлен.

Вздрыгнул мальчик под этой стеною:
– Мама, кто в этом доме живет?
– Там живет, кто не знает покоя
И кто молится дни напролет.

Много храм повидал за столетья
И хранит много тайн в куполах .
Скольких нимбов прекрасные петли
Растворились в его небесах.

– Если дом этот – место молитвы,
Кто же слушает их столько лет?
Чьими свечи слезами залиты?
Неужели же, мама, секрет?..

– Не секрет и не тайна во веки.
Просто знать никому не дано.
Но умеет душа человека
Ждать и верить в молчанье одно.

* * *

Сергей Гребенник, 10 класс

Мы с Вами, как две маленькие рифмы,
Рожденные от оттиска пера.
Созвучие и сходство получив, мы
Себя сковали в цепь из серебра.

Но для того, чтоб Вы мне подходили,
Вам должно будет изменить падеж.
А мне – надеть фальшивый суффикс, или
Нам не видать мечтательных надежд.

Мы встретимся на окончаньях строчек
Единожды. И больше никогда.
И далее до трех финальных точек
Пройдет таких же рифм череда...

* * *

Андрей Кошелев, 11 класс

РОЖДЕСТВО

В светлый день надежд
В кануне Рождества
Нету зла промеж
Святого торжества.

Славит день, с небес,
Рождения Христа
В ночь святых чудес
Великая звезда

В полночные часы
Над Вифлеемом шла,
За нею шли волхвы,
К пещере их вела,

Где младенец спит,
Бога Сын, Отца,
И с неба звон звенит,
С небес колокола,

И пастухи в ночи
Услышат голоса,

Как яркий свет свечи,
Увидят блеск крыла.

Ангел нес вестей:
Мария родила!
Спасителя людей!
Спасителя от зла!

Взыграют трубачи
Поет небесный хор,
А звездные лучи
Притягивают взор.

Сверкают, как мечи,
Как солнечный простор.
В полночный час вскочи
И выйди в тихий бор.

Ведь в светлый день надежд,
В кануне Рождества
Среди снегов-одежд
Бывают чудеса...

* * *

Полина Панюшкина, 2 курс

Давай поговорим о чем-нибудь другом,
Сегодня отчего-то мне тревожно.
Давай поговорим о небе за окном.
Вот видишь, это вроде бы несложно.

Давай поговорим о чае с пирогом,
Поговорим о кошках, о природе.
Давай поговорим о чем-нибудь смешном.
Не знаю, впрочем, можно о погоде.

Рис. Анны Лесковой

Давай поговорим о важном «ни о чем»,
О том, о чем рассказывают дети.
Давай поговорим о чем-нибудь таком,
Что не отыщешь на другой планете.

Да ладно, что там! Может, просто
помолчим?

Ведь в сущности слова так мало значат.
Ты знаешь, фразы разлетаются как дым,
Так пусть у нас все будет чуть иначе!

* * *

Анастасия Шебалина, 10 класс

Зачем растить ромашки в голове,
Их поливая каждый день мечтами?
Как солнцем ярким, сладкими речами,
Им жажду утолить поможешь в декабре.

Стежарусом игривым снова слезы,
Бегущие по бархату пылающих ланит.
И новый вход в забытый лабиринт,
Где каждый поворот – сверкающие
грозы.

* * *

Сергей Шабалов, 8 класс

Пойди на самообман,
Уподобься кому-то другому.
Лечись своей кровью из ран,
Но прошлое не столкнуй в омут.

Беги от всех своих болей,
Бросай все гореть в огоньке.
Но прошлое не под контролем,
А значит – и невдалеке.

Ищи тщетно выход отсюда,
Губи свой же внутренний мир.
Но малый осколок разбитой посуды
Канет в одну из тысячи дыр.

Рис. Елены Орловой

Игорь Эпанаев

ЕЖИК

Люди качают насосом
Шины велосипедов.
Ежик качает носом
Право ежиковедов.
Ежик по лестнице лезет
В домик – свое жилище.
Ежик зачем-то грезит,
Ежик чего-то ищет.

Рис. Анны Лесковой

МОИ ВНУТРЕННИЕ СЛЕЗЫ

«Ты слезиночки утри!»
«Не могу – они внутри!»

Слезы мои горячие!
Как вы меня замучили!
Бедные, крокодиловы,
Долго не проходили вы!
Льетесь рекой соленую
Вместе с тоской зеленою

Я соберу вас в баночку,
Лучше в ведро огромное,
И отвезу на саночках
В место глубоководное:
Вылью с тоской зеленою –
Станет река соленую!

Ольга Беляева, 8 класс

НОВОГОДНИЙ СЕРПАНТИН

Петьку разбудил приближающийся звук сирены. «Скорая», – подумал мальчик и снова закрыл глаза. Противный нарастающий вой приближался и загик у самого дома. Петька вскочил с кровати, быстро оделся и вышел во двор.

Сегодня 31 декабря. Петька приехал на каникулы к бабушке в деревню. Скоро мама и папа приедут на праздник. Петька с нетерпением ожидал Новый год. Накануне он наряжал елку, она пахла свежей хвоей и морозом. Петька украсил ее большими разноцветными шарами, шуршащей мишурой и переливающимися всеми цветами радуги серпантинном. Мальчик старательно готовился к празднику.

Выбежав на улицу, Петька увидел, как бабу Маню, местного почтальона, на носилках заносят в машину скорой помощи. Вскоре машина уехала, и собравшиеся люди стали расходиться по домам. И вдруг Петька заметил, что из сугроба торчит какой-то предмет. Он подбежал и достал из снега сумку. «Это же сумка почтальона, но кто теперь

разнесет письма?» – подумал мальчик. Петька взял сумку и пошел в дом.

В сумке были стопки газет, журналы и несколько писем. Посмотрев адреса, мальчик заметил, что все письма баба Маня несла в его деревню и только два письма – в соседнюю.

* * *

Петька подумал и решил сам разнести письма. Он быстро позавтракал, ничего не сказал бабушке, взял сумку и вышел во двор. Первое письмо было в красивом разноцветном конверте с улыбающимся Дедом Морозом. Письмо было для девочки Даши, жившей через два дома от Петьки. Мальчик подошел к большому деревянному дому с высоким крыльцом. На крыльце сидел толстый рыжий кот, который сыто потягивался и временами мяукал. Петька постучал. Дверь открыла Даша, девочка лет восьми с веселой улыбкой и длинными косичками. «Привет», – сказала она. «Привет, я принес тебе письмо», – ответил Петька. «Мне? – удивилась Даша. – Проходи в дом». Мальчик зашел, и первое, что он увидел, была

большая елка. Она вся сияла и переливалась от множества игрушек. На новогоднее дерево повесили гирлянду, и от завораживающего мигания огоньков невозможно было оторвать глаз.

Макушку елки украшала большая красная звезда, а под деревом было множество разноцветных коробок с подарками. Такое количество подарков Петька видел впервые.

Даша заметила интерес мальчика к елке и спросила: «Нравится?» – «Да, очень красиво!» – зачарованно произнес Петька. Он протянул ей письмо. Даша посмотрела адрес отправителя. Не открывая конверт, она быстрым движением бросила его в печь. За минуту огонь уничтожил сияющий конверт. «Что ты делаешь? – возмущенно закричал Петька. – Это же письмо от Деда Мороза!» – «Ну и что? Я ведь уже получила подарки, зачем мне читать письмо?» – сказала Даша. «Тебе даже не интересно, что там было написано?» – грустно спросил мальчик. «Нет, я уверена, что там не было ничего особенного», – гордо сказала Даша

и продолжала открывать подарки. У Петьки сразу испортилось настроение, он грустно вышел на улицу, повесил сумку на плечо и пошел дальше.

* * *

Следующий дом оказался серым и угрюмым, и только на стене дома сверкала алая звезда. Там жил дед – ветеран Великой Отечественной войны. Для него Петька нес газеты и открытку с новогодним поздравлением. Дед был нелюдимый и всегда хмурый, деревенские жители боялись заходить к нему. Никто и никогда не был у него в доме. Со двора раздавался громкий лай. Петька робко постучался в калитку, она, скрипнув, открылась на длину короткой цепочки. В щель мальчик увидел большую собаку конуру, сделанную умелыми руками. По двору бегала немецкая овчарка и громко рычала. Петька постучался снова, и на крыльцо вышел дед. На ногах у него были большие валенки, а на голове шапка-ушанка. Он медленно спустился с крыльца и громко прокричал: «Немец!» Собака перестала лаять и подбежала к хозяину. Дед посадил собаку на цепь и подошел к калитке. «Здравствуйте, Николай Степанович! Я принес вам почту», – произнес Петька. «Ну, проходи, раз пришел», – сказал дед, открывая калитку. Петька думал, что дед сразу возьмет почту и прогонит его, но тот пошел к дому и, открыв дверь, сделал приглашающий жест.

В переднем углу висела большая икона, около нее горели свечи. Вдруг одна свеча догорела и погасла. Дед взял новую, расправил фитиль и зажег ее. «Садись», – сказал Николай Степанович, пододвинув к Петьке стул. – Раньше письма приносила баба Маня, где она?» И Петька рассказал, как бабу Маню увезла «скорая», как он нашел ее сумку и решил разнести письма.

В это время Николай Степанович прочитал новогоднюю открытку, на глазах у него заблестели слезы. «Что случилось, Николай Степанович? – спросил Петька. «Это открытка от моего лучшего друга-сослуживца, в 1942 году мы вместе попали в плен. Мы попытались сбежать, но побег заметили, и нам пришлось расстаться, каждый пошел своей дорогой. Я думал, что больше мы уже не увидимся», – сказал дед. – Спасибо, что принес мне письмо, это лучший подарок к Новому году».

Николай Степанович налил Петьке чай и предложил ему пряники. «Скажите, пожалуйста, почему вашу соба-

ку зовут Немец?» – спросил Петька. «Когда я бежал из плена, я зашел в маленькую немецкую деревушку, там ко мне привязался маленький щенок, я не хотел брать его, но он все равно шел за мной. Однажды, когда я спал, щенок разбудил меня и потянул за рукав в сторону, я пошел за ним. А через несколько минут, в то место, где я только что лежал, ударил снаряд, меня оглушило, но я не был ранен. Щенок спас мне жизнь! Я взял его с собой и назвал Немец», – рассказал улыбающийся дед. Петька поблагодарил его за чай и пошел дальше.

* * *

Весело хрустел под ногами блестящий снег. Петька думал про Новый год и спешил быстрее разнести почту. Он знал, что в следующем доме живет молодой парень. Он служил в Афганистане, во время одного из боев он потерял обе руки выше локтя. Петька постучался. Ему открыла женщина в зеленом вязаном свитере, ее волосы были тронуты сединой. Это была мать парня-«афганца». «Я принес вам журналы», – произнес Петька. Вдруг скрипнула калитка и вошел молодой красивый парень. Он шел из магазина, пакет с продуктами был привязан к обрубку руки. Но удивили Петьку его веселые, смеющиеся глаза, синие, как море.

«Я принес почту», – сказал ему Петька. Мама парня взяла журналы и вошла в дом. «Спасибо, я очень давно жду эти спортивные журналы, они помогают мне скоротать время и поддерживать физическую форму», – поблагодарил Петьку «афганец». Петька с ним попрощался и пошел дальше.

Он шел по дороге и думал, зачем человек живет? Кто-то копит всю жизнь богатство, но, не растратив его, внезапно умирает, кто-то создает семью и воспитывает детей, кто-то готов отдать здоровье и даже свою жизнь за других людей, кто-то творит добро, помогая другим, кто-то всю жизнь трудится, не задумываясь о личной выгоде.

* * *

Следующее письмо было адресовано Валентине Ивановне, бабушке его лучшего друга Саньки. Петька знал, что бабушка Валя слепая и Санька во всем ей помогает. Он постучал в дверь, на крыльцо выбежал Санька, схватил газеты и спросил: «Почему ты разносишь почту? Где баба Маня?». Петька вновь рассказал, что произошло с бабой Маней, и позвал Саньку разносить

газеты. Санька вбежал в дом и пригласил друга. За столом сидела Валентина Ивановна и вязала шарф. Она вязала «по памяти», ловко перебирая спицы. «Саша, кто пришел?» – спросила баба Валя. «Это мой друг Петька, он зовет меня разносить письма. Можно я пойду?» – спросил Санька. «Скоро Новый год, останься дома, а Петя и сам справится», – сказала баба Валя. – Сходи принеси воды». Санька вышел, а баба Валя попросила Петьку: «Почитай мне, пожалуйста, газету». Мальчик не мог отказать бабушке, поэтому начал читать вслух.

Вскоре вернулся Санька, и Петька уже собирался уходить, как вдруг баба Валя сказала: «Возьми этот шарф, я поздравляю тебя с Новым годом».

Петька шел по улице, и теплый вязаный шарф согревал его шею. Шарф хранил тепло рук, связавших его. Петьке было уютно и приятно. День подходил к концу, приближался Новый год. Петька шел и рассуждал о том, какие разные люди живут в деревне. У каждого своя жизнь, своя судьба. Оказывается, как просто делать для людей добрые дела. Для этого ничего не надо, а только чуть-чуть тепла и внимания.

* * *

До соседней деревни Петька дошел быстро. Найдя дом по адресу, он остановился в растерянности. Окна заколочены, дом пуст, здесь давно никто не живет. «Как же так? Письмо опоздало». Его уже никто не ждал.

* * *

А вот и последний дом. На крыльцо вышла пожилая женщина. Когда Петька протянул ей конверт, лицо женщины просияло улыбкой, а из глаз хлынули слезы радости. «Сыночек пишет», – сказала она, прижав письмо к губам. Женщина пригласила Петю в дом, угостила пирогами, рассказала о сыне, который служил в армии, показала фотографии. «Вот и елочку некому в доме поставить. Одна я живу».

Петька попрощался и вышел из дома. И вдруг в голове мелькнула шальная мысль. Он добежал до околицы, сломал несколько еловых веток, принес к дому одинокой женщины и воткнул их в сугроб. Обмотав ветки серпантинном, который нашелся у него в кармане, Петька отправился в обратный путь.

Он бежал домой уставший, но очень счастливый и чувствовал себя настоящим Дедом Морозом!

Минное поле нашего детства

НА НОВОМ МЕСТЕ

Если нет сил звонить, бежать, встречаться, а от вида клавиатуры с души воротит, надо сменить обстановку. В деревню удрать, в волонтеры податься. Я выбрала наиболее, как мне казалось, мягкий вариант. Здесь любили всех детей, послушных и не очень, играли с ними, придумывали всякие интересные затеи. Дети были довольны и веселы. Но вот ели они плохо. Да что там плохо – просто ужасно ели! Каждый день мне приходилось отправлять в унитаз ведро отличной, свежайшей, полезной еды. Поначалу сердце кровью обливалось при виде всех этих тефтелек и котлет, перемешанных в баланду с компотом и борщом. Потом привыкла. Таская кастрюли, с усмешкой вспоминала время, когда была обычной мамой, недовольной тем, что ребенок из сада возвращается голодный. Дочь за милую душу наворачивала ужин перед сном, да еще и добавки требовала. С чего бы это? «Да их недокармливают!» – твердили знакомые. Я бы поверила, если б не журналистская привычка проверять факты. Факты в лице упитанной румяной дочери убеждали в обратном. Взгляд изнутри, из детсадовской моечной, прояснил картину окончательно.

УЧРЕЖДЕНИЕ СТРОГОГО РЕЖИМА

На часах 8.30. Дети сонные, хмурые. Хорошо, если полгруппы наберется. Есть сады, где за временем сурово следят: каждое утро к опоздавшим выходит сама за-

Журналисты подвержены синдрому выгорания: устаешь, приедается, «замыливается глаз». Когда это случилось со мной, я пошла в няньки. Садик, где в тот момент «обитала» моя дочь, был замечательный. С традициями, с отличной командой педагогов и умной администрацией. В общем, мечта. По законам жанра должно следовать противопоставление: однако... Нет, дорогой читатель, ничего страшного не произошло. Однако на важные вопросы, связанные с формированием личности, я получила ответ.

ведущая и устраивает разнос. Ребята, кого родители перевели из таких драконовских заведений, боялись завтраков. Таких приходилось аккуратнo приручать. «Не хочешь кашу? Ну и не надо. Омлет, кофе, бутерброд – гляди, сколько еще вкусного!». Самые храбрые, видя, что наказание не грозит, начинали усиленно работать ложками. Что до тех, кого покормили дома, – они вообще не притрагивались к еде. Другие, слегка поклевав, мчались к игрушкам. Организм торопился насытиться движением. Работая в группе, я убедилась, что **ни один ребенок не спешит после сна за стол. Он всегда предпочтет поиграть, повозиться, заработать свои калории.** По идее, для этого в режиме сада прописана зарядка, но на нее никто не успевает. Как же загнать за стол маленьких непосед? В ход идут рассказы про космонавтов, красавиц и богатырей. Самых младших няни кормят с ложки. Но вот заставлять не заставляют. Так что **если ребенок дома привык есть с криком и угрозами, в саду он останется голодным.** Нормальный воспитатель не будет пользоваться «силовыми» приемами, которые часто практикуются в семьях. А если будет – значит, это ненормальный воспитатель и его к детям подпускать нельзя. Давно доказано, что принудительная кормежка приводит к расстройствам желудка и нервной системы. А когда над душой стоит чужая тетка... бр-р! Но вот завтрак подходит к концу, пора убрать остатки пищи. С минуты на минуту в группу войдет медсестра. Вот и еще одна причина, по которой дети плохо едят в саду: их торопят. Няня не имеет права оставить хоть крошку на столе после 9.00, иначе ее ждет выговор за грубое нарушение санитарного режима. Что имеем в итоге? Полный тазик каши,

полтора батона никому не нужного хлеба, стремительно тающее масло, распечатанные, но нетронутые йогурты, раскрошенные запеканки.

СЪЕДОБНОЕ-НЕСЪЕДОБНОЕ

За два часа дневной прогулки детвора нагуливает аппетит. В 12.00 раскрасневшиеся, шумные ребята садятся за столы, где их ждет обед из четырех блюд, включая салат. Казалось бы, теперь тарелки должны остаться пустыми. Не тут-то было! **Дети опять не едят.** Они не едят: суп со шпинатом, суп с фасолью, щи, суп с мясом. Они не едят тушеную говядину с картошкой. А также ни свеклу, ни селедку, ни тертую морковь и никогда даже не пробуют цветную капусту. Тефтели пользуются относительным успехом: их ест человек десять из двадцати. Стойкие, хотя немногочисленные, приверженцы есть у борща, солянки, сырного супа и ленивых голубцов. Огурцы идут лучше, чем помидоры. Дружно игнорируется рыба: под маринадом, отварная и в виде котлет. Исключение составляют рыбные палочки, их расхватывают и просят добавки. Дети едят: курицу и куриный суп с лапшой, гороховый суп с гречками, пельмени, хотя те успевают слипнуться, пока группа моет руки, пюре и сосиски. За милую душу уплетают рисовые шарики с молоком, а также булочки, которые дают на полдник. А вот ватрушки съедаются только после того, как из них будет выкрошен весь творог. В общем, **пищевой энтузиазм вызывает знакомая еда, привычная в семье.** А что нынче готовят дома? То, с чем не надо возиться, придя с работы.

РОНАЛЬД МАКДОНАЛЬД – ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ ДЕТЕЙ

Однажды мне надоело смотреть, как ребята морщат носы над нетронутыми порциями, и я затеяла небольшой опрос. «Что бы вам хотелось съесть?» – допытывалась я. Выяснилось, что **больше всего детсадовцы любят «Доширак».** На втором месте – «Чикен Макнагетс»,

следом картошка фри. И так, тройка лидеров определилась. Это фаст-фуд, который никогда не разрешит ни один врач, да и мамы его не приветствуют. Ну ладно, с лапшой понятно, она интересная. Если положить «Доширак» в прозрачную миску, можно наблюдать, как разбухают макаронные спиральки: не еда, а сплошная развивающая игра! А «чикены» – это «Макдональдс», то есть праздник. Многие родители водят туда своих детей в награду за хорошее поведение. **Сеть забегаловок быстрого питания пользуется бешеной популярностью у малышни, потому что там дают игрушки.** Ими можно похвалиться в саду! Один хвастунишка вербует еще полгруппы в поклонники клоуна Рональда. Попробуй выдержи, когда чадо целую неделю ноет: «Мама, ну пойдём, ну все наши уже ходили!» Уступить? Тогда поглощение вредных «Биг Мак» станет неизбежным пунктом программы выходных. Можно, конечно, отказать и даже запретить. Но надолго ли хватит запрета? Посещение «Макдака» (так звучит название сети в устах младших школьников) тесной компанией – своеобразная инициация, особенно распространенная среди мальчишек. Пришли, скинулись, сели за столик – вот это круто! Прямо как папы в ресторане. Нередко самый щедрый угощает всю компанию. Подробности веселого кутежа обсуждаются еще пару недель. Впечатлительные дошкольники слушают и завидуют старшим братьям.

КОРОК НЕ СЧИТАЕМ

Мы теряем культуру здорового питания вместе с культурой общения. Семьи все реже и реже собираются за столом. Мужья приходят с работы, когда младшие дети давно спят, а старшие, наспех пожевав, висят «в контакте». Женам некогда стряпать разносолы. Бабушки нынче тоже работают, да и живут зачастую отдельно. Всё наспех, на бегу. Примчался, быстро чего-то схватил, не доел, бросил... Стоп. Вот она, **примета момента: недоеденное можно бросать.** В саду после каждой кормежки остаются обгрызенные корки, утопленные в компоте горбушки. Ребенок вскидывает на тебя непонимающие глазищи, когда ты начинаешь выговаривать ему за растоптанный хлеб. Ему дома не объяснили. И не объяснят. **Что мы, нищие, что ли, – корки считать?** Популярными психологи в «мамских» журналах рекомендуют ни в коем случае не попрекать ребенка недоеденной пищей и уж тем более не пугать рассказами про голод и трудное детство прабабушки. А то, чего доброго, привьете комплекс вины. Личность подавите. Воспитаете, на свою голову, жадину и крохо-

бора, вечного бедняка. Тут, правда, всю действует двойной стандарт. **Дома взрослым обычно не нравится, когда их труд пропадает зря.** В кафе тоже не разбалуешься: никто не любит швырять деньги на ветер. А если чадо, вдобавок прилюдно, безобразничает, наказания не миновать. Зато **в саду можно все.** Разливать, размазывать, пускать пузыри, кидаться кусками в соседа. Ну, поругает воспиталка, – подумаешь, беда. А если наябедничает, надо объяснить маме, что ты плохо вел себя за столом, потому что еда ужасно противная. Многие родители верят, поскольку изначально считают сад источником зла.

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ХРЮША

Говорят, в древности у детских учреждений существовали собственные участки, на которых растили разную полезную овощь. Еще были подшефные хозяйства. Или шефские? Неважно, главное, что там водились свиньи. И они, наверно, бывали благодарны за гуманитарную помощь. Я мечтала о подшефной свинье, и мне ее почти обещали, но что-то там не заладилось, администрации не удалось заключить договор с фермой. Жаль: наши отходы могли бы осчастливить с десяток Пятачков. А в масштабах города? Мне часто приходила мысль, что, **будь сейчас на дворе тридцать седьмой год, нас бы всем коллективом расстреляли за растрату и вредительство.** Но на дворе другие времена. Земли у садика нет, да на ней ничего и не дали бы растить – не положено. Домашний скот нынче тоже не тот. Он питается специальной искусственной пищей. Про голодных людей я вообще молчу. Если бы санэпидслужба узнала, что вечерами к нашему забору иногда подходят два бомжа, которым сердобольный охранник выносит остатки с кухни... да это ж подсудное дело!

ПРАВО НА БОРЦ

Миф о том, что воспитатели всю наворачивают из детских кастрюль, не лишен оснований. Сотрудники сада действительно имеют право на ежедневное горячее питание: им положена порция супа. Но на другую еду права не распространяются. Не дай Бог, чьи-нибудь родители застукают вас над тарелкой манки! На первый раз обойдется выговором. На второй – могут уволить. В каждом саду найдется хоть одна склочная мамочка, любящая звонить по инстанциям: она с удовольствием расскажет, как вы объедаете детей. Зато другая мама, многодетная и малоимущая, тихонько передаст няне пластиковый судок. Туда ей отгрузят несъеденное овощное рагу, гречку или мюс-

ли. Пластиковые судки тщательно прячут в потаенных местах, но даже если расписать остатки по всем нуждающимся, большая часть – примерно семь-десять литров – все равно отправится в туалет.

ПРИНЦИП НАСЛАЖДЕНИЯ

Итак, **пищу выбрасывать можно.** Ну невкусно детям! А еда, как неоднократно утверждалось в рекламе, есть наслаждение. Мы же этого достойны! Современный ребенок, равно как и взрослый, следуя за своими пристрастиями, перебирает один продукт за другим в поисках наиболее приятного. Считается, что так он учится делать выбор. Хотя, на мой взгляд, в результате **формируется единственный стойкий навык: уничтожать все, что не может быть мгновенно употреблено.** Если пища, одежда, среда, страна, система не подходят лично мне, значит, они не имеют никакой ценности. За сиюминутной ненадобностью выбрасываются взаимоотношения, люди, мысли, типы деятельности, схемы хозяйствования. Сегодня единственной мерой всех вещей становится личное предпочтение, короткое счастье «съесть и насладиться». Урбанистическая цивилизация уже потребила часть природы, но еще большую – просто пожевала, испортила и бросила, в точности повторяя поведение плохо воспитанного дошкольника за столом.

Нет сомнений, что каждый ребенок нуждается в пище, – желательна вкусной, – а также в чистоте, общении, движении и безопасности. Это простые базовые потребности. Но от того, каким образом они удовлетворяются, зависит вся его дальнейшая жизнь. Сможет ли человек, привыкший лишь бездумно потреблять, транжирить и выкидывать, стать подлинным хозяином своей жизни? Не факт.

СЕКРЕПЫ

Старайся попросесть и жить! Сладость, как нравственная, так и пищевая, не укрепляет, а расслабляет.

*Преподобный
Антоний Оптинский*

Наталья Лайдинен

Как деревня Шапы стала многодетной

Детей, может, и приносят аисты, но растят и воспитывают их все равно люди

Не так давно я побывала в командировке в Смоленской области и открыла для себя потрясающую для наших дней историю. В то время, когда городские дамы в силу разных причин опасаются рожать даже второго ребенка, женщины из деревни Шапы Демидовского района, в которой проживают две сотни человек преимущественно старшего возраста, показали, что вырастить здоровых, счастливых ребят можно в самых скромных условиях, достаточно вкладывать в семью и материнство душу.

Шесть лет назад жительницы деревни усыновили и взяли под опеку более пятидесяти детдомовских ребят разного возраста. Сейчас семеро приемных детей ходят в садик, а тридцать один – в школу. Остальные выросли, поехали учиться или стали работать. Это первый в России случай массового создания патронатных семей. У малышей и подростков появились мамы, братишки и сестренки, родственники, кров над головой и уютная домашняя атмосфера. Дети впервые в жизни почувствовали себя действительно желанными, родными, любимыми. Некоторые из них уже выросли, окончили школу, уехали учиться дальше в другие города, но не перестают общаться со своими родителями и благодарить их.

Первой приемной мамой в деревне Шапы стала учительница русского языка и литературы местной школы Светлана Егорова, взявшая на воспитание двоих детей. Ее примеру последовали другие учителя и жители деревни, в которой снова зазвучали радостные детские голоса. Таким образом, удалось уберечь от расформирования школу, история которой насчитывает сто лет.

Воистину, если Господь посылает ребенка, он дает силы и возможности поставить его на ноги и воспитать нормальным, здоровым человеком.

Известно: чужих детей не бывает! В деревне Шапы это осознаешь на каждом шагу. Матери, вырастившие троих-четверых своих сыновей и дочерей, приняли в семью и в сердца мальчишек и девчонок, которые, как ни дико звучит, оказались не нужны родителям. И хотя далеко не у всех женщин есть мужья, они не жалуется. Малышей поднимают все вместе, старшие дети, соседи помогают и словом, и делом. Дети воспитываются без излишеств, в деревянных домах нет канализации, к селу не подведен газ, зато все любят друг друга и согревают мир своим теплом. Трудятся тоже вместе. Мальчики учатся работать по хозяйству, поскольку зачастую именно они – главные мужчины в доме, на которых могут опереться мамы.

Женщинам-героиням помогают и другие неравнодушные люди – врачи, земляки, волонтеры из разных уголков страны, которых вдохновил и поразил пример этих русских матерей. В минувшем ноябре под эгидой фонда «Дарите детям Добро» состоялся праздник «Шапы собирают друзей», в котором приняли участие дети и их родители, губернатор Смоленской области Алексей Владимирович Островский, представители администрации, гости из близлежащих поселков и из Москвы. В акции участвовали также кадеты Смоленского кадетского корпуса им. фельдмаршала Кутузова. Торжественно звучал духовой оркестр Академии ПВО имени маршала Советского Союза А.М. Василевского. Торжественным событием руководила Наталья Леонидовна Аксенова, председатель Врачебной палаты Смоленской области и руководитель фонда «Дарите детям Добро». Она рассказала присутствующим о неординарном поступке матерей деревни Шапы и о делах в их поддержку. Сидя в зале среди детей и родителей, бабушек и дедушек, я видела, что губернатор, как и многие присутствующие, слушая истории семей и приветствуя подвижниц-матерей, с трудом сдерживал слезы. Он пообещал материально помочь семьям с приемными детьми и оснастить школьный класс компьютерами.

Сыновья и дочери взволнованно благодарили своих новых мам за чудо обретения семьи и любовь, которая им открылась. Порой было трудно найти слова, но их ясные, лучистые глаза, наполненные радостью, говорили о главном: детям здесь хорошо. Если поначалу они, по рассказам мам, чувствовали некоторую стесненность в непри-

Есть сын. Есть дерево. Будет и дом

вычной обстановке, то теперь они открыты, раскованны и жизнерадостны.

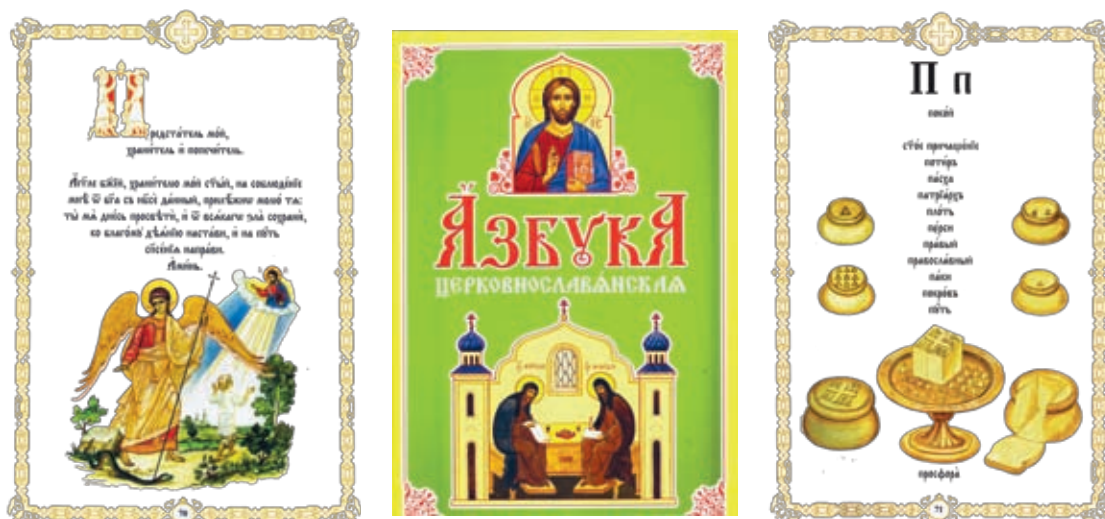
Многие из приемных детишек побывали в лагерях военно-патриотического центра «Вымпел». Более десяти из них участвовали в военно-патриотических лагерях «Вымпела» в разных регионах России и проявили себя с лучшей стороны.

Гюзель Эрнстовна Улумбекова, председатель правления Ассоциации медицинских обществ по качеству, привезла детям подарки от московских врачей.

В концерте «Спасибо, мама!» участвовали дети и родители, присутствующие стоя приветствовали ветеранов – жителей деревни и женщин-матерей. В программе концерта звучали песни в исполнении юных жителей деревни Шапы. Все вместе члены семей и гости праздника посадили деревья в «Аллею Добрых Сердец» и отведали вкусной гречневой каши из общего котла. Затем последовали веселый конкурс причесок и романтический парад бальных платьев. Завершился праздник танцевальным вечером и красочным салютом.

Когда повсюду говорят о кризисе и сложности ситуации, матери деревни Шапы своим примером доказывают, что Добро начинается с каждого из нас и никогда не поздно помочь оставшимся без родителей детям, взяв их в семью. Радует, что инициативу шаповских женщин подхватили и в других поселках Смоленщины. Будем надеяться, что и в других регионах России все больше людей будут открывать сердца и двери детям, которым так не хватает любви и домашнего тепла. «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды <...> не потеряет награды своей», – говорит Христос (Мф. 10: 42).

И дух, и буква К выходу в свет оригинального учебного курса

Накануне учебного года мы рады вернуться к одной из наших традиционных тем: «Лампада» неоднократно знакомила читателей с новыми пособиями по церковнославянскому языку, с делателями на ниве отечественного слова. Подвизаясь в Ховринской воскресной школе, автор этих строк укреплялся в намерении взяться за самое трудное – разработку оригинального учебного курса для восьмилетних детей, овладевших русской грамотой. Опыт показывает, что именно этот возраст наиболее благоприятен для начала сознательного усвоения богослужебного языка: церковнославянская лексика, орфография, грамматика, синтаксический строй вполне постижимы через наблюдение над текстом, через сопоставление с родным русским языком...

Воплотить идею в жизнь нам удалось соборно – группой профессионалов-единомышленников. К Пасхе 2013 года увидел свет учебно-методический комплект «Азбука церковнославянская», включающий всё необходимое для учащихся и учащихся: талантливо иллюстрированную «Азбуку» и прописи для детей, подробное методическое руководство и видеосопровождение для учителя. На осуществление проекта со знаком качества – грифом Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви – потребовалось пять лет напряженного коллективного труда.

Издание стало возможным благодаря содействию благотворительного

Учебно-методический комплект
И.А. Горячевой, И.А. Корнилаевой, С.М. Шестаковой и художника-иллюстратора В.Д. Сыскова «Азбука церковнославянская» (Екатеринбург – Москва, 2013) можно приобрести в Издательском доме «Димитрий и Евдокия» и его интернет-магазине.
E-mail: info@izdatelde.ru
Телефоны: +7 (495)410-21-94, +7 (916)150-11-40

фонда Русской медной компании. Ее владельцы – православные люди, многодетные и искренне заинтересованные в воспитании своих чад в христианском духе и в получении ими серьезного образования. Апробация «Азбуки церковнославянской» происходила в 2010/11 учебном году в Екатеринбурге, в стенах «Русской классической школы», созданной нашими спонсорами. Работа педагога во 2-м и 4-м классах, тогда еще по макету Азбуки с прорисями, была полностью запечатлена на видео. Диск в составе комплекта со всей наглядностью свидетельствует, что курс посилен как для 8–10-летних ребят,

так и для начинающего преподавателя – воцерковленного человека, причем необязательно филолога.

«Азбука церковнославянская» уже имеет продолжение, также апробированное в «Русской классической школе». В настоящее время готовится к публикации следующий комплект – «Молитвослов учебный», на очереди «Часослов учебный» и «Всенощное бдение».

И.К.

Николай Мельников

Поставьте памятник деревне

*Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве!
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве,
И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках!
И два горшка на частокоче,
И пядь невспаханной земли,
Как символ брошенного поля.
Давно лежащего в пыли!
И пусть поет в тоске и боли
Непротрезвевший гармонист
О непонятной русской доле
Под тихий плач и ветра свист.*

*Пусть рядом робко встанут дети,
Что в городах еще растут.
Наследство их на белом свете –
Все тот же черный, рабский труд!
Присядут бабы на скамейку,
И все в них будет, как всегда:
И сапоги, и телогрейки,
И взгляд потухший... в никуда.
Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждет свой смертный час!
Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы –
Одно лишь «Господи, помилуй!»
И вера в праведность судьбы.*

сочинил много песен на собственные стихи.

Николай мечтал стать режиссером и актером. После школы отправился покорять Москву – поступать в знаменитый ГИТИС. И был принят на актерский факультет. Деревенскому пареньку помог, как он сам однажды выразился, «замешанный на наглости здоровый оптимизм», а также творческий потенциал, который он чувствовал в себе с детства. Из института его призвали в армию, а после демобилизации он продолжил образование уже на двух факультетах – актерском и режиссерском. В 1994 году снял документальный фильм «Игорь Шафаревич: Я живу в России» и за эту работу на кинофестивале «Золотой Витязь» стал лауреатом в номинации за лучший сценарий. В 1995 году за песню «Поставьте памятник деревне» на совещании молодых писателей в Переделкине Николай Мельников был принят в Союз писателей России – так эмоционально написала в своей статье Лариса Баранова-Гонченко, рассказывая о том событии. В 1997 году он стал лауреатом литературного конкурса имени Фатьянова».

Непростительно рано ушел из жизни этот яркий поэт. Ему только-только исполнилось сорок лет!.. Официальная версия, как мы уже говорили, – сердечная недостаточность. Слово «версия» употреблено не потому, что мы ставим под сомнение медицинский диагноз. Люди, подобные Мельникову, порой сами предрекают свое будущее или как минимум чувствуют его. Прочитайте эти строки:

*На мне стоит клеймо поэта,
А у поэта на Руси –
Так довелось – недолги лета.
Мне тридцать. Господи, спаси!
Поэтов нагло убивали
Во все века, и всякий раз
Убийца на волю отпускали –
Другим поэтам напоказ!
Чего ж мне ждать? Все это было –
Удар ножа или выстрел в грудь,
Или подвыпивший верзила
«Случайно» стукнет чем-нибудь.
Самоубийств инсценировки,
«Несчастный случай» – как назло...
Какой цинизм! Какой сноровки
Достигло это ремесло!*

Человека, написавшего такие строки, нельзя представлять только именем и фамилией. О Николае Мельникове нельзя не знать. Точнее даже сказать так: тот, кому дорога родная земля, кто хочет считать себя хотя бы мало-мальски образованным человеком, не имеет права не знать Николая Мельникова.

О нем рассказал в «Русской народной линии» Дмитрий Ермаков: «По своей журналистской работе в районной газете «Маяк» ездил я на конкурс мастеров машинного доения. Ферма, на которой проходил этот конкурс, расположена в красивейших местах между селами Уткино и Янгосарь. В обеденный перерыв решили мы с водителем съездить и до Янгосари. Я уже был наслышан об этом когда-то большом, а ныне умирающем селе. И увидели мы останки сельского клуба – полуразобранные стены из силикатного кирпича, и закрытый медпункт, и пару бревен на месте бывшей школы. И храм. Большой, величавый... С пробоинами в стенах и куполе, с выдранными и полуистлевшими досками пола... Но взыскующие Лики глядели на нас сквозь старую побелку и кощунственные надписи; но лучи, проникавшие в подкупольные узкие оконца, складывались в осеняющий крест!.. Потом мы вернулись на ферму, а потом закончился конкурс, и в Уткинском ДК награждали лучших доярок. А потом был концерт. И на сцену вышел человек с простым лицом, в самом простом пиджачке, с гармошкой. И пел он очень просто, непритязательно... И я, как и многие, увел глаза вниз, вжался в кресло, сжал зубы... Прошло несколько месяцев. Я так и не позво-

нил в ДК села Уткино, чтобы записать текст песни и узнать имя автора, – закрутился, засуетился, забыл...

Телефонный звонок отвлек меня от газетной текучки. Женщина, стесняясь, с оговорками, рассказала, что была, мол, в Уткине на конкурсе, слышала на концерте песню, не может забыть. Попросила опубликовать текст песни в газете. И я сказал ей спасибо за то, что она напомнила мне о том, что я и сам хотел сделать. А вечером, дома, полез в Интернет, ввел в поисковик первую строчку. И первое же сообщение, которое вышло на экран, опять заставило сжать зубы и в отчаянии пристукнуть кулаком по столу. «26 мая 2006 года в городе Козельске Калужской области убит русский поэт Николай Мельников, автор песни «Поставьте памятник деревне» и поэмы «Русский крест».

Николай Мельников родился 6 марта 1966 года на Брянщине, в селе Лысье. В семье Алексея Харитоновича и Раисы Федоровны росли еще две дочери – Валентина и Наталья. Отец Николая был очень любознательным и разносторонним человеком, сплывал вокруг себя талантливых односельчан, был очень музыкален, как и его супруга. В их семье постоянно звучала русская песня, и дети переняли дар своих родителей: все хорошо пели, а Николай

*Земля-кормилица
Фотография Павла Кривцова*

«Где обитаю и по сей день...»

Автобиографию Сигурд Оттович Шмидт начинал самыми обыкновенными словами, но в них сразу слышался и драматизм русской истории, и трагизм истории Новозаветной: «Родился 15 апреля 1922 г., вечером в Страстную субботу, в Москве, в переулке близ Арбата, в квартире (в ту пору коммунальной), где обитаю и по сей день...».

В его жизни не найти громких и бурных событий. В отличие от отца Сигурд Оттович был прежде всего педагогом и кабинетным ученым, но двери его кабинета были открыты. И не только для сотен и тысяч его учеников. Вот мне не пришлось у него учиться, я не сдавал ему экзамены, но все двадцать лет нашей дружбы я шел к нему как к любимому учителю, который примет тебя и в беде, и в радости. Издавна привыкнув, что его каждодневные гости – это голодные студенты, он сразу тащил на кухню.

«А вот здесь всегда сидела Тата... А Тата готовила это блюдо так... Без Таты я до сих пор путаюсь и многие вещи не сразу нахожу...» Так он и в девяносто поминутно вспоминал свою няню, с которой прожил вместе шестьдесят лет.

Так было и в тот день в конце зимы, когда я в последний раз пил чай у него на кухне. Тогда я попал к Шмидту внезапно – «как снег на голову». Утром в Союзе журналистов меня премировали чугуновой барышней, килограммов семи чистого веса, и я шел в обнимку с ней к метро, понимая, что до дома ее не донесу. Мела метель, впереди была еще дорога в редакцию, встречи, – и куда я с таким нелепым грузом? Барышню надо было где-то бросить. Но ведь и терять ее навсегда не хотелось. Рядом был Кривоарбатский переулок, и я в отчаянии решил: попрошусь к Сигурду Оттовичу, оставлю ему барышню на время, а потом как-нибудь заберу. Набираю Шмидта по мобильному и пытаюсь объяснить ситуацию. «Понимаете, мне тут подарили чугунную барышню, она тяжелая и я не знаю, что с ней делать, – можно, она пока у вас поживет?»

Одна из последних фотографий

– Миленький, я не ожидал, что после рождения внучки вы заведете себе барышню. Но заходите, что с вами делать...

Последний раз мы виделись в конце апреля, на выставке М. Нестерова в Третьяковской галерее. Встретились «случайно», а ведь чем «случайнее» – тем радостнее бывает. Он был со своей сестрой Верой. Мы говорили о судьбе Нестерова и его детей. Я знал, что Нестеров писал портрет отца Сигурда Оттовича – выдающегося исследователя Арктики и организатора науки Отто Юльевича Шмидта – в пору его всемирной славы, но не знал, что семьи Нестеровых и Шмидтов были так близко знакомы.

На прощанье мы обнялись где-то между «Димитрием Угличским» и «Юношью преподобного Сергия». Я заметил, каким он, и без того всегда худой, стал тщедушным, почти бесплотным (это заметно даже на снимках, сделанных мной в тот день). У дверей я оглянулся: Сигурд Оттович стоял с палочкой перед картиной Нестерова «По Руси», и мне показалось, что он облекается в свет этого полотна, становясь одним из его героев-странников.

В День Победы он еще пел с ребятами на Арбате фронтовые песни, а 23 мая

2013 года Москва простилась со своим заветным жителем. Простилась, увы, совсем не так, как это делали москвичи в XIX веке. В ту пору любимого профессора и великого историка на руках пронесли бы через Старый Арбат, потом

прошались бы на Никольской (там, в Историко-архивном институте Шмидт преподавал более шестидесяти лет). И шли бы с пением «Вечная память» до Введенского кладбища...

Но что требовать от сегодняшней Москвы? Шмидт, родоначальник московведения, простил Москве все, простим и мы.

Он появился на свет под

звон пасхальных колоколов, и этот звон утончил и возвеселил его младенческую душу. Он не знал уныния – этой греховной мути, в которой так часто гибла и русская, и советская интеллигенция. Как историк русских Средних веков и крупнейший специалист по Ивану Грозному, он видел весь трагизм отечественной истории, во многом его знании было много печали, но во всяком времени он находил светлые личности и добрые примеры. Эту чудесная способность видеть везде и во всем светлую сторону он сохранял до конца. Рядом с ним ты все время чувствовал то, что так точно выразил Ролан Барт: «Я люблю тебя не за то, что ты есть, а за то, что ты **есть**».

Людам вдвое-втрое его моложе он внушал радость, бодрость и доверие к Промыслу Божьему. При этом он никогда таких высоких слов не произносил, о вере и христианстве не рассуждал. Попытки любопытствующих узнать сокровенное («Верите ли вы в Бога?», «Как вы пришли к вере?» и т.п.) пресекал очень просто: «А я, понимаете ли, атеист». И беседа тут же переходила на другую тему.

А одной из любимых его тем было восстановление на Арбате древнего (конца XVI века) храма Николы Явленного, разрушенного в 1931 году на глазах де-

вятилетнего мальчика. Вот и сосед его по Арбату историк Александр Казакевич вспоминает: «Дней за десять до ухода Сигурда Оттовича мы встретились с ним в магазине, и он говорил мне, что мечтает восстановить колокольню храма Николы Явленного на Арбате. А сам скончался в Николин день. Что это, если не Промысел Божий?».

Много лет он настойчиво убеждал столичных чиновников, что у Арбата должно быть не развлекательное, а культурное и духовное назначение. Для него родная улица была, прежде всего, улицей великих русских писателей и мыслителей – от Пушкина до Лосева. Он напоминал, что до революции Арбат называли улицей святого Николая.

Мало кто знает, что Сигурд Оттович Шмидт – обладатель главной премии в области истории Русской Православной Церкви – Макариевской. (В многочисленных откликах СМИ на уход С.О. Шмидта эта подробность не упоминалась.)

Напомню, что эта премия носит имя митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) – основателя церковно-исторической науки, богослова и аскета-подвижника. Еще бакалавром Киевской академии будущий преосвященный Макарий дал обет: все заработанные деньги хранить до тех пор, пока

из них не составит сумму, достаточная для выплаты премий отечественным талантам за оригинальные научные сочинения.

Почитание митрополита Макария и стремление продолжить его труды связало Сигурда Оттовича и архимандрита Иннокентия Просвирнина (1940–1994). Как археограф и исследователь памятников письменности, архимандрит Иннокентий считал себя учеником Шмидта. Сигурду Оттовичу была сердечно близка главная идея о. Иннокентия: «Нельзя понять историю Русской Церкви, не раскрыв замысла Божьего о русском народе, о его предназначении...». Многие годы Шмидт возглавлял Археографическую комиссию РАН и добился того, чтобы в состав этой высокой научной структуры приняли священнослужителя. В советское время такое событие было равносильно чуду. Совместные труды светского профессора и церковного историка оборвались с ранней смертью о. Иннокентия. Сигурд Оттович написал тогда проникновенную статью «Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина)» для журнала «Отечественные архивы» (1994, № 6, с.117–120). Начинаясь она не совсем обычно для светского научного издания: «Отец Иннокентий более всего ощущал себя священнослужителем и был одним из самых почитаемых в Москве духовных пастырей...».

Сигурд Оттович тоже был в некотором роде окормителем, пастырем. И не только для историков и архивистов, но для всех, кто прилеплялся к нему. Он выполнил завет своей мамы: «Надо ласкать людей добрым отношением». Эта способность сегодня почти утрачена даже среди тех, кто смело называют себя верующими. В нас появилась некая вышколенная доброжелательность, которая быстро испаряется за порогом храма. Выслушать на кухне опечалившегося, рассказать ему что-то смешное или забавное, просто поболтать вечером о том, о сем, помечтать о чем-то вместе – это уже кажется рудиментом советской жизни. Что нам «пустые» разговоры, мы лучше на сайт pravmir.ru заглянем или молитвенное правило обстоятельно вычитаем. Отец Алексей Уминский недавно с горечью сказал: «Очень мало стало человеческого в людях. Мы разучились друг друга ощущать. Машинами становимся... Мы неправильно понимаем аскетику – изгоняем чувства. А чувства – они ведь от образа Божьего...».

Шмидт согрел свою огромную – почти столетнюю! – эпоху своей личностью, своей душой. Кто ее теперь так согреет? И куда я пойду теперь, когда поверну с шумного Арбата в тихий Кривоарбатский переулок?..

Дмитрий Шеваров

Из бесед с Сигурдом Оттовичем Шмидтом

Каждый день я с грустью смотрю на свой Арбат и мечтаю, чтобы он вновь стал символом культуры Москвы, чтобы здесь были литературные музеи, книжные развалы. Тогда появятся интеллигентные лица. Давно пора восстановить храм Николы Явленного с дивной колокольней, которая была символом Арбата и запечатлена во многих художественных произведениях. Арбат даже называли улицей святого Николая. Это, кроме восстановления архитектурной доминанты Арбату, будет диктовать и порядочный стиль поведения.

* * *

Как ни покажется парадоксальным, но самое недооцененное событие XX века – это Великая Отечественная война. Подвиг людей, забывавших о себе для спасения Родины. Это был порыв, который вам трудно представить. Ничего подобного я больше никогда не видел и не увижу. Причем этот массовый подвиг самопожертвования происходил после страшного, ничем не оправданного периода террора. Помните, у Булата Окуджавы – «наши мальчики головы подняли...»? Люди в начале войны именно подняли головы, очнулись от унижения. В минуты великих испытаний мы способны на высочайшую степень сплоченности в общем деле...

* * *

Беда, что у нас уже целое поколение выросло в атмосфере не созидания, а уничтожения того, за что боролись отцы и деды. В таком климате привить нравственные цели невероятно

трудно. Я вижу, что самостоятельность мысли, сама способность размышлять, стремительно угасают.

Мы переживаем тяжелый период, но он не может длиться бесконечно. В этом я убежден, зная нашу историю, зная огромный потенциал генетически заложенной в нас культуры.

* * *

ЕГЭ и компьютер совершенно отучили молодых людей размышлять вслух. Предыдущие поколения были воспитаны в среде, где мысль прежде всего звучала. И это касается не только профессорской среды, в которой я вырос. Была культура церковной проповеди, университетской лекции, культура домашнего чтения вслух. Эти семейные чтения создавали особую атмосферу душевного сближения. Все собирались вместе, женщины занимались рукоделием, бабушка раскладывала пасьянс, дедушка придумывал, что еще можно починить, а отец читал, его сменял кто-то из старших детей. Достоевский вспоминал, как в их семье читали вслух Карамзина, и это воспоминание согревало его всю жизнь... А мы торопливо впахиваем детей в технологический процесс, забывая, что через какие-то два-три десятка лет сегодняшние информационные технологии станут смешными. Техника моментально стареет. А понятия о культуре, нравственности, литературе – они живут веками. И если мы хотим, чтобы выпускники не уезжали за рубеж, где технологии еще долго будут нас опережать, мы должны прежде всего передать детям традицию. Нельзя, конечно, отвергать Интер-

нет и новые технологии, но как можно забыть, что нашей системе образования и нашим нравственным устоям много-много веков!

* * *

С годами я понял, что самая большая ценность в человеке – сердечность, доброта, душевность. Умных людей много, но ум еще должен быть добрым.

* * *

Навязчивая крикливость СМИ заглушает разумное слово. Хозяева СМИ именно из-за своей исторической необразованности не понимают одного: эта «совковая», как они ее называют, страна, претерпевшая бедствия революции и гражданской войны, голод начала тридцатых годов, массовые репрессии, – она победила в страшной войне. И победила благодаря душевному подъему и объединяющему чувству собственного достоинства. Настрадавшиеся, полуголодные люди рвались защищать свою родину. Я ведь жил в то время и помню, что в нашей интеллигентской школе почти все ребята имели родственников – «врагов народа», но как они стремились попасть на фронт! И это стремление оказалось сильнее всех преступлений Сталина.

* * *

С высоты своего возраста я ясно вижу, что никакие зарубежные впечатления не могут затмить того, что дарит нам родина. В 1961 году я впервые приехал в Вологду, а оттуда в Феррапонтово, чтобы увидеть фрески Дионисия. Тогда никакого музея там не было. Храм был заперт. Пошел, нашел сторожиху. Она говорит: я вам отопру, но мне надо уйти в сельсовет, поэтому я запроу вас на полтора часа. И вот это были одни из самых счастливых минут в моей жизни. Стояло начало сентября, за стенами храма моросил теплый мелкий дождь. И вот вдруг в окна справа брызнуло солнце, фрески вспыхнули искрящимися красками...

* * *

По крайней мере с тринадцатого века наша история стала расходиться с европейской. Это было связано с разделением христианства на западное и восточное, и с тем, что мы оказались приемниками долее всего сохранившейся имперской системы Византии. В Риме это все прекратилось раньше. Конечно, немецкие государи называли себя императорами, но это разговоры. Империя Карла Первого или немецкая австрийская Габсбургская монархия – это были сравнительно небольшие государства. У нас же размеры страны сами по себе – имперские, вдобавок примешалась восточная система управления. Пришедшая из Византии сакральность первого лица очень помогла удержанию таких пространств под единым руководством, но мы стали чудовищно зависимы от характера и способностей одного человека. Иван Грозный, не умея и не желая сдерживать своих страстей, загубил все, что построил. Даровитейший и дальновидный Петр Великий совершенно деспотическим и безнравственным способом насаждал европейские реформы. А в XX веке – Сталин...

Так вот, именно поэтому вопрос о том, нравственна власть или безнравственна, – это для нас вопрос жизни и смерти.

* * *

Русская литература стала великой именно потому, что в ней наибольшее внимание уделялось нравственным и моральным вопросам, а не занимательности. Так и «История государства российского» – это, прежде всего, история нравственная. Карамзин давал нравственные оценки историческим деятелям и потому-то был так важен для своих современников и так актуален для нас.

Отто Юльевич Шмидт с сыном Сигурдом. Встреча напанинцев. 1938

* * *

Большая беда в том, что в школе последовательно уменьшается число **воспитывающих** предметов. Причина мне понятна – люди стали очень практичны, им кажется, что ни литература, ни история не имеют практического применения. Мол, какая разница: Иван Грозный убил сына или сын убил Ивана Грозного, это же было в незапамятные времена. А вдохновенных учителей не очень много. Кроме того, злую шутку играет с нами Интернет. Там есть и Карамзин, но многие ли прочтут его в электронном виде? До него просто руки не дойдут. Благодаря информационным технологиям пласт современности так непомерно разросся и раздулся, что память о прошлом вытесняется куда-то на задворки сознания. Люди замкнуты на гонке за насущным, за выживанием, многие вещи они откладывают на потом. А в результате не успевают рассказать внукам о своих предках, да и о себе самих.

* * *

Человек, интересующийся историей своей семьи и своего рода, как-то изнутри времени раздвигает тесные рамки жизни. Я вот уже лет двадцать живу в двух мирах – с теми, кто ушел, но остаются во мне, и с теми, кто меня окружает. Это обнаруживается совершенно ощутимо. После того, как скончалась моя няня, с которой я жил шестьдесят семь лет, в моих снах ушедшие и живые – вместе. Пока няня была жива, пока живы были родители – они у меня были сами по себе. А теперь все вместе. Все – **живые**. Я чувствую, как бы они укорили меня, если я что-то делаю не так, как это полагалось бы при них. И это не тягостное, а гармоническое чувство.

* * *

Хотелось бы покинуть этот мир со светлым взглядом на грядущее. Возможно, именно поэтому я ищу в малых примерах гены будущих надежд. Правда, иногда опасаясь: а не уговариваю ли я сам себя, используя свой логический опыт и свой интеллектуальный стаж?... Мои надежды связаны с тем, что люди позволяют себе по-разному мыслить и оценивать явления, а встречаясь, разговаривают искренне, не опасаясь доноса. Это колоссальное событие для человека моего поколения.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКУДА В ЧЕЛОВЕКЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ?

Протоиерей Алексей Уминский
Современному человеку нужен
не собеседник, но партнер 2

Сергей Шаргунов
Все хорошее в человеке заложено Богом 6

Протоиерей Андрей Ткачев
Чтобы вместо роз не вырос бурьян 10

Лария Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 12

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Иван Жук
Рядовой войска Христова 14

Вадим Рутковский
Да будет храм! 17

Руслан Армеев
Сбились с пути... Как вернуться? 18

Татьяна Шалыганова
Портрет семьи в интерьере истории 20

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Стиль, который никогда не повторится 22

СТРАНА СЛОВ

Игорь Эпанаев
Нас сближают творчество и вера 26

МИР ВОКРУГ НАС

Марина Нецветаева
Минное поле нашего детства 30

Наталья Лайдинен
Как деревня Шапы стала многолетней 32

И.К.
И дух, и буква 33

Николай Мельников
Поставьте памятник деревне 34

Павел Кривцов (фото)
Земля-кормилица 35

Дмитрий Шеваров
«Где обитаю и по сей день...» 36

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Покровский храм в Нижней Ореанде. Фото Вадима Рутковского
Подбор иллюстраций Вадима Лунёва

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 01.07.2013
Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактный телефон:
745-84-28, 8 (926) 458-39-67

Тираж 1500 экз. Заказ № 0461
© Лампада, 2013

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах

www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Вespолье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексея, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове
(Борисовский пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлово
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

9 772225 027100

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 4 (91) 2013
июль — август

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
**ОТКУДА В ЧЕЛОВЕКЕ
ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ?**

- **Что мы, нищие – корки считать?**
- **Монах-«челнок»**
- **Уходят последние...**

